

ЛЕТОПИСНЫЕ СТАТЬИ 1051–1117 гг.
В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ АВТОРСТВА И РЕДАКЦИЙ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В.Н.Русинов

В хронологических пределах 1051–1117 гг. «Повесть временных лет» представляет уникальный в своем роде летописный текст. Другого столь значительно по охвату событий повествования, в котором периодически встречались бы замечания автора о самом себе, сохранившиеся древнерусские летописи не содержат.

Как известно, замечание летописца, касающееся своей собственной личности, в первый раз сделано им в завершающей части статьи 1051 г. Автор здесь сообщает о своем приходе в Киево-Печерский монастырь при игумене Феодосии. Хотя это замечание приурочено к 1051 г., в действительности оно подразумевает период, относящийся к временам игуменства Феодосия Печерского, то есть не ранее рубежа 50–60-х гг. XI в. Но в данном случае важнее то, что свидетельство автора о своем приходе к Феодосию является органической составной частью помещенного под 1051 г. пространного рассказа о начале Печерского монастыря и может указывать на его принадлежность тому же самому автору. Выше в тексте «Повести временных лет» подобных упоминаний летописца о самом себе нет, что и дает определенные основания рассматривать статью 1051 г. в качестве исходной. В последний раз на протяжении 1051–1117 гг. авторские свидетельства о себе читаются под 1114 г. Здесь летописец упоминает о своем пребывании в Ладогe и о состоявшихся у него тогда беседах с местными жителями о происходящих в их земле необыкновенных явлениях. Летописные статьи 1115–1117 гг. не содержат свидетельств автора о себе, но по характеру повествования и приемам летописания явно примыкают к предшествующему тексту. Вместе с тем, начиная со статьи 1118 г., летописный рассказ приобретает совершенно иной вид: по количеству известий статьи становятся бедными, а сами известия оказываются весьма краткими. Это позволяет считать статью 1117 г. очевидным рубежом в летописном изложении, по существу, завершением окончательного текста «Повести временных лет» и видеть в ней верхнюю границу обозначенного хронологического интервала.

Следует иметь в виду, что изучение летописного текста в намеченных пределах 1051–1117 гг. требует привлечения летописей как лаврентьевской, так и ипатьевской традиций. В составе Лаврентьевской и близких к ней летописей текст «Повести временных лет», как известно, заканчивается под 1110 г. началом рассуждений летописца о явившемся над Киево-Печерским монастырем огненном столпе-ангеле, после чего находится запись выдубицкого игумена Сильвестра, отделяющая «Повесть» от дальнейших летописных известий. Однако в Ипатьевской и сходных с нею летописях под 1110 г. читается не только начало рассуждений автора о посетившем Печерский монастырь огненном «знамени», но и их

логическое продолжение, занимающее большую часть соответствующей годовой статьи, текст которой не перебивается чьей бы то ни было записью. После статьи 1110 г. в ее полном виде эти летописи отражают достаточно однородное с данной и с более ранними статьями повествование до 1117 г. включительно. Совершенно ясно, что летописи ипатьевской традиции содержат продолжение «Повести временных лет», которая в летописях лаврентьевской традиции доходит только до записи Сильвестра, и, следовательно, заключают либо более полный текст памятника, либо какую-то позднейшую его редакцию.

Несомненный интерес представляет вопрос о том, как разные исследователи «Повести временных лет» представляли себе возникновение заключенных в ней под 1051–1117 гг. летописных материалов с точки зрения их авторской принадлежности.

Так, по мнению В.Н. Татищева¹, до 1093 г. включительно летопись писал монах Киево-Печерского монастыря Нестор, а продолжал ее до 1116 г. игумен Михайлово-Выдубицкого монастыря Сильвестр. Признаком смены летописца ученый считал то, что после статьи 1093 г., как ему казалось, «порядок писания несколько переменен, и писатель обстоятельства иные, нежели Нестор, о себе скажет». Но при этом исследователь допускал и возможность окончания Несторовой летописи позднее 1093 г., ссылаясь на то, что продолжатели Нестора «своего начала от Несторова окончания не отличали, или после списыватели, от нерассудности в том погреша, смешали». Вслед за Сильвестром, то есть после 1116 г., летопись, согласно В.Н. Татищеву, дополнял какой-то неизвестный автор. Вопросы о том, какое отношение к возникновению «Повести временных лет» мог иметь Василий, имя которого как автора значится под 1097 г., ученый не касался. Судя по тому, что при передаче содержания летописной статьи этого года В.Н. Татищев не упоминает никакого Василия как участника происходивших тогда во Владимире Волынском событий², которым они и описываются, исследователь либо не обратил внимания на оставленное летописцем свидетельство о самом себе, либо просто не понял его. Однако несмотря на то, что в рассказах «Повести временных лет» за вторую половину XI – начало XII вв. В.Н. Татищев усматривал работу нескольких летописцев, эту часть памятника он воспринимал как однородный по манере изложения текст. По замечанию историка, «во всех летописцах в наречии и слоге никакой разности нет, по чему наиболее разность писателей познавается». В.Н. Татищев объяснял это тем, что сохранявшиеся в древнейших летописных списках различия стиля повествования, характерные для разных авторов, впоследствии изгладились под пером позднейших переписчиков. Как же в таком случае понимать заявление ученого об изменении «порядка писания» на рубеже 1093 г., остается неясным.

По мнению Н.М. Карамзина³, создателем «Повести временных лет» был Нестор, но решить вопрос о том, на каком хронологическом рубеже прекращалась его летопись, очень трудно. Возможно, указанием на ее окончание является запись игумена Сильвестра, примыкающая к статье 1110 г. Но сам Сильвестр был не летописцем, а лишь переписчиком Несторовой летописи. Вопрос о происхождении текста за 1110–1117 гг., сохранившегося в летописях ипатьевской традиции, историограф, судя по всему, упустил из вида. Василию, упомянувшему себя под 1097 г., Н.М. Карамзин отвел роль автора, дополнившего Несторову летопись рассказом о событиях конца XI в. в юго-западной Руси. Таким образом, в известиях за вторую половину XI – начало XII вв. «Повесть временных лет», по Н.М. Карамзину, содержит тексты по крайней мере Нестора и Василия.

Согласно представлениям П.Г. Буткова⁴, до 1113 г. включительно летопись вел Нестор. Так же, как и Н.М.Карамзин, ученый полагал, что Нестор внес под 1097 г. рассказ Василия, а в Сильвестре был склонен видеть не летописца, а переписчика Несторовой летописи. Однако дальнейший летописный текст, начиная с 1114 г., принадлежит, по П.Г. Буткову, другому летописцу, который тогда посещал Ладогу. П.Г. Бутков считал, что в том случае, если бы рассказ под 1114 г. принадлежал Нестору, то он непременно упомянул бы здесь о своем разговоре с новгородцем Гюрятой Роговичем, произошедшем, как считал ученый, в 1092 г. Весь текст «Повести временных лет» представлялся П.Г. Буткову как единое целое, созданное почти исключительно Нестором.

По убеждению А.М. Кубарева⁵, текст «Повести временных лет», предшествующий записи Сильвестра, принадлежит Нестору, который приступил к работе над летописью не ранее 1113 г., но вынужден был остановиться на 1110 г., так как заболел и умер. Летописный труд Нестора после 1125 г. был, по А.М.Кубареву, дополнен Василием, упомянувшим себя по имени под 1097 г., но его дополнения не простирались далее 1110 г., на котором обрывалась Несторова летопись. В игумене Сильвестре, вслед за Н.М. Карамзиным и П.Г. Бутковым, ученый видел лишь переписчика этой летописи. Хотя в своем исследовании А.М. Кубарев не затрагивал вопроса об авторской принадлежности повествования за 1110–1117 гг. в летописях ипатьевской традиции, и без этого очевидно, что он не связывал их ни с Нестором, ни с Василием. Как и П.Г. Бутков, в тексте «Повести временных лет» А.М. Кубарев видел летописный труд преимущественно одного Нестора.

И.Д. Беляев⁶, как и А.М. Кубарев, придерживался того мнения, что до записи Сильвестра летопись содержит повествование, составленное в основном Нестором. Что же касается дальнейшего рассказа, начиная с продолжения рассуждений об ангелах под 1110 г. в летописях ипатьевской традиции, то оно не может принадлежать Нестору, поскольку здесь будто бы отражен несвойственный ему взгляд на вещи и нехарактерный для него «слог». Этой части летописи, по словам И.Д. Беляева, свойственно «бесполезное многословие». Исследователь усматривал его в продолжении рассуждений об ангелах под 1110 г., а также в том, что речь Владимира Мономаха под 1111 г. по сравнению с подобной же речью, изложенной Нестором под 1103 г., «бестолково распространена».

Согласно представлениям М.И. Сухомлинова⁷, почти все летописные тексты «Повести временных лет» в пределах до 1110 г. принадлежат одному автору, а именно Нестору. В повествовании за вторую половину XI в. с его авторством, нельзя связывать только рассуждение о казнях Божьих под 1068 г., «поучения» Феодосия Печерского под 1074 г. и часть статьи 1097 г., начиная с упоминания Василия о своем нахождении во Владимире Волынском. В целом же на протяжении всего летописного текста, по М.И. Сухомлинову, «не заметно, при немногих исключениях, резкого различия ни в духе рассказа, ни во взгляде летописца, ни в способе выражения». Поэтому летопись воспринимается как органическое целое, задуманное и созданное одним автором. Как полагал исследователь, это стало результатом того, что Нестор, хотя и пользовался разными устными и письменными источниками, лишь «немногое заимствовал из них безо всякого изменения». М.И. Сухомлинов постарался охарактеризовать и повествовательную манеру Нестора, но сделал это, опираясь на чисто интуитивные наблюдения, и в самом общем виде. Он, в частности, отметил свойственную Нестору «ровность изложения», подразумевая его стремление избегать «порывов» и «витиеватых отступлений», с чем применительно к тексту «Повести временных лет», кем бы он ни был

создан, никак нельзя согласиться. Наряду с этим исследователь указывал на склонность Нестора к рассуждениям о «знамениях» и на его интерес к необычным природным явлениям. Однако свойственную Нестору повествовательную манеру М.И. Сухомлинов считал фактически не столько проявлением его индивидуального авторского стиля, сколько отражением в этом стиле типичных для летописных памятников приемов изложения. Своего мнения по поводу причастности к летописной работе игумена Сильвестра исследователь не выразил, считая его, по всей вероятности, переписчиком Несторовой летописи. Не касался он и происхождения известий 1110–1117 гг., сохраненных летописями ипатьевской традиции, явно не связывая эти известия с летописным трудом Нестора.

Н.И. Костомарову⁸ текст «Повести временных лет» представлялся заканчивавшимся на 1110 г. сводом разнородных материалов, восходящих к отдельным сказаниям разной авторской принадлежности. Создателем этого свода, как полагал ученый, должен считаться игумен Сильвестр. С середины XI в. в «Повести», по утверждению Н.И. Костомарова, начинается совершенно особая часть, для которой характерно «господство риторики». Здесь, согласно мнению ученого, под 1051 г., 1074 г., 1091 г. и 1096 г. находятся материалы создававшейся в стенах Печерского монастыря «Печерской повести» (или «Печерской летописи»), которые перемежаются известиями, внесенными в свод «числовым летописцем», то есть тем сводчиком, который хронологически упорядочивал текст. Кроме этого, данная часть «Повести временных лет» содержит под 1054 г. завещание Ярослава Мудрого (оно почему-то определено как «Духовная Мономаха»), а под 1068 г., 1078 г. и 1093 г. «проповеди» того времени. Особыми «эпизодами», внесенными в «Повесть временных лет», являются, согласно Н.И. Костомарову, под 1071 г. рассказ о кудеснике, а под 1096 г. повествование летописца о своей беседе с Гюрятой Роговичем. Самостоятельным по происхождению является под 1097 г. рассказ об ослеплении Василька, принадлежащий Василию. К возникновению «Печерской повести» мог иметь отношение Нестор, но в ее составе ему не могут принадлежать все тексты. С авторством Нестора, например, нельзя связывать рассказ под 1051 г. о начале Печерского монастыря, поскольку заявление его автора о своем приходе в монастырь при игумене Феодосии не согласуется с замечанием Нестора в «Житии Феодосия Печерского» о том, что в монастырь он был принят игуменом Стефаном. Н.И. Костомарову казалось, что составные части «Повести временных лет» несмотря на изменения в «слоге», которые могли затронуть их с течением времени, тем не менее сохранили свой первоначальный облик. Сводный текст исследователь усматривал и в продолжающих «Повесть» известиях летописей ипатьевской традиции. Так, под 1111 г. помещено особое сказание о походе русских князей против половцев, а ниже, под 1114 г., читаются «анекдотические» сведения о чудесах на далеком севере, восходящие к особому рассказу, который попал в южнорусский свод случайно или же был заимствован из новгородских летописей.

В не менее категоричной форме, чем Н.И. Костомаров, точку зрения на «Повесть временных лет» как на свод принадлежащих разным авторам материалов высказал К.Н. Бестужев-Рюмин⁹. Создателем такого свода, по мнению ученого, мог быть игумен Сильвестр. Работу сводчика К.Н. Бестужев-Рюмин усматривал прежде всего в том, что оказавшиеся в его распоряжении письменные свидетельства, будь то отдельные сказания или летописные заметки о событиях, составившиеся разными лицами в разных местах, он приводил в связь, используя замечания вроде «до сего дня», «яко же рекохом» и др. Таким образом, К.Н. Бестужев-

Рюмин, в отличие от М.И. Сухомлинова, предполагавшего существенную редакционную обработку сводчиком имевшихся у него источников, исходил из сохранения в своде особенностей повествовательного стиля его составных частей. Роль сводчика могла, по К.Н. Бестужеву-Рюмину, заключаться также в том, что он внес в создаваемый летописный текст ряд своих собственных записей о происходивших при его жизни событиях, но обнаружить их в своде трудно. Согласно мнению ученого, они не могут начинаться ранее конца 70-х гг. или даже начала 90-х гг. XI в. Возникал перед К.Н. Бестужевым-Рюминым и вопрос о том, на каком хронологическом рубеже заканчивался первоначальный летописный свод, как он именовал «Повесть временных лет». Допустимым ученому казалось предположение о том, что «Повесть» кончалась сказанием об ангелах, начало которого читается под 1110 г. в летописях лаврентьевской традиции, а полный текст сохранился под 1110–1111 гг. в летописях ипатьевской традиции. В продолжении летописного повествования, включая и статьи 1112–1117 гг., К.Н. Бестужев-Рюмин видел соединение разных по происхождению материалов, выполненное уже другим сводчиком. Нельзя не обратить внимания на противоречивость восприятия К.Н. Бестужевым-Рюминым текста «Повести временных лет». Так, по его утверждению, М.И. Сухомлинов исчерпывающе охарактеризовал литературную сторону «Повести». Но точка зрения М.И. Сухомлинова на этот памятник, как известно, заключалась в признании его целостности по манере литературного выражения. Очевидно, что в данном случае К.Н. Бестужев-Рюмин, вопреки своим заявлениям о сводности текста «Повести временных лет», поддавался ее стихийному восприятию как единого произведения. За этой противоречивостью скрывается, конечно, фактическая неопределенность в представлениях ученого по вопросу о том, каким образом складывался текст памятника.

И.П. Хрущов¹⁰, очевидно, вслед за Н.И. Костомаровым и К.Н. Бестужевым-Рюминым усматривал в «Повести временных лет» отражение разнообразных по авторской принадлежности материалов, объединенных в единый свод Сильвестром. Начиная с середины XI в., «Повесть», согласно мнению И.П. Хрущова, содержит сказания, авторами которых могли быть: ученик Феодосия Печерского, которого, однако, нельзя отождествлять с Нестором; какой-то летописец, составивший описания половецких нашествий; Нестор; Василий; Сильвестр. Для каждого из них, по убеждению ученого, характерны свой взгляд на вещи и манера изложения, нашедшие отражение в сохранившемся тексте «Повести временных лет», причем стиль Сильвестра напоминает манеру Василия. Вопросы о летописных статьях 1110–1117 гг. И.П. Хрущов в своей работе не затрагивал.

Если обобщить представления отечественных ученых дошахматовского периода о происхождении летописных статей 1051–1117 гг. в составе «Повести временных лет», то вырисовывается такая картина. В работах исследователей приблизительно до середины XIX в. «Повесть» обычно воспринималась как более или менее единый летописный памятник, включая, разумеется, и статьи за вторую половину XI – начало XII вв. Это было естественным следствием того, что большая часть содержащихся в «Повести» текстов приписывалась одному автору, а именно Нестору, хотя в возникновении памятника обычно признавалась и роль Василия. Мнение о «Повести временных лет» как о некоем целостном тексте носило, по существу, интуитивный характер, в силу чего почти никак не доказывалось и особо не акцентировалось. Из рассмотренных выше работ лишь в труде М.И. Сухомлинова подчеркнута, что «Повесть временных лет» представляет собой органическое целое, и сделана попытка обосновать это положение путем на-

блюдений над приемами летописного повествования, включая его стиль и язык. Указанием на окончание Несторовой летописи в то время обычно считали запись игумена Сильвестра. Непосредственное продолжение летописного повествования под 1110–1117 гг. в летописях ипатьевской традиции особого внимания тогда еще не привлекало, а если речь о нем все-таки заходила, то его происхождение как правило связывалось с новым летописцем. Во второй половине XIX в. представление о «Повести временных лет» как о труде преимущественно одного летописца постепенно уступило место убеждению в том, что текст памятника, не исключая и статей второй половины XI – начала XII вв., сложился из сочинений многих авторов. Это мнение стало выражением интуитивного восприятия «Повести» в качестве комплекса самых разнородных материалов разной авторской принадлежности, созданного одним сводчиком, а именно Сильвестром. Широкое распространение получило мнение о том, что летописец, сообщавший, например, о церковных делах, не мог быть автором рассказов о светских событиях, а тот, кому в летописи принадлежат известия о половецких нашествиях, не мог сочинить похвальных слов или княжеских некрологов и т. д. При этом тексты одних авторов отличались от текстов других зачастую на основании субъективных суждений о взглядах, привязанностях, манере изложения, свойственных предполагаемым летописцам. В соответствии с подобными представлениями текст «Повести временных лет» распадался на множество отдельных сказаний и более мелких фрагментов, возникших как результат деятельности многих лиц, так или иначе причастных к летописной работе. У большинства исследователей этого направления, по всей вероятности, не возникало даже предположений о том, что разнообразие колебания в манере летописного изложения, обычные для «Повести временных лет» и для других летописей, могут быть обусловлены вовсе не принадлежностью отдельных частей летописных памятников разным авторам, а естественными вариациями стиля повествования одного автора в зависимости прежде всего от содержания текста, определяемого тем же самым автором. Вопрос о редакционных разновидностях «Повести временных лет» у исследователей дошахматовского периода еще не возникал.

По замечанию В.М. Истрина, труды А.А. Шахматова «произвели эпоху в истории древнерусского летописания». В самом деле, А.А. Шахматов впервые со всей отчетливостью поставил возникавший у исследователей ранее лишь в виде смутных предположений вопрос о летописных памятниках, которые могли предшествовать «Повести временных лет», и предложил его решение¹¹. Согласно гипотезе ученого, «Повесть» возникла как переработка и продолжение киево-печерского свода 1093–1095 гг. («Начального свода», по терминологии А.А. Шахматова). Этот гипотетический начальный свод был создан путем переработки, соединения и дополнения двух более ранних летописных сводов, а именно гипотетического печерского свода 1073 г. и гипотетического новгородского свода 1050 г. с продолжением до 1079 г. К созданию начального свода, по А.А. Шахматову, какое-то отношение мог иметь печерский игумен Иоанн. Составителем печерского свода 1073 г. ученый считал монаха Никона Великого, а по вопросу о возможной авторской принадлежности новгородского свода комментариев не дал. Помимо этого, А.А. Шахматов впервые поставил вопрос о редакционных разновидностях «Повести временных лет» и разработал гипотезу о трех редакциях памятника, появившихся одна за другой во втором десятилетии XII в.¹² Возникновение первоначальной (основной) редакции «Повести» он датировал 1110–1113 гг. и связывал ее с авторством Нестора, который остановился, скорее

всего, на 1110 г., но мог довести летописное изложение и до 1112 г. включительно. Эта редакция памятника создавалась еще при жизни киевского князя Святополка Изяславича и прославляла его княжение, но в силу того, что Святополк вскоре умер, не получила распространения и в непосредственном виде не сохранилась, хотя и нашла некоторое отражение в послании монаха Поликарпа к игумену Акиндину. По убеждению А.А. Шахматова, под 1110 г. в ней, между прочим, упоминалось об одновременной кончине трех печерских монахов и сообщалось о явлении по этому случаю над Печерским монастырем трех огненных столпов. Вторая редакция «Повести временных лет», согласно А.А. Шахматову, вышла в 1116 г. в Михайлово-Выдубицком монастыре из-под пера игумена Сильвестра, который переработал завершающую часть Несторовой летописи в духе, благожелательном для нового киевского князя Владимира Мономаха. При этом вместо составленного Нестором повествования о событиях, связанных с пленением и ослеплением в 1097 г. теребовльского князя Василька Ростиславича выдубицкий игумен внес посвященный тем же событиям рассказ Василия. Находившееся под 1110 г. сообщение Нестора о явлении над Печерским монастырем трех огненных столпов Сильвестр заменил упоминанием только об одном столпе, а продолжение летописи до 1112 г., если таковое имелось, мог просто опустить. Никаких рассуждений об огненном столпе как об ангеле в Сильвестровской редакции под 1110 г. не было. Достаточно хорошее представление об этой редакции дают Лаврентьевская и близкие к ней летописи. Третья редакция «Повести временных лет», как доказывал А.А. Шахматов, была составлена в 1118 г. в Печерском монастыре неизвестным по имени монахом, приближенным к Мстиславу Владимировичу, старшему сыну Владимира Мономаха, и продолжала ее промономаховскую тенденцию. Изложение событий было доведено в этой редакции до 1117 г. включительно. Необходимое представление о ней дают Ипатьевская и близкие к ней летописи. Между бытовавшими на Руси в списках второй и третьей редакциями «Повести временных лет» началось взаимодействие, причем вторая редакция испытала на себе влияние третьей. Благодаря этому из редакции 1118 г. в редакцию 1116 г. попало начало рассуждений о столпе-ангеле под 1110 г., а также рассказ под 1096 г. о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем, произошедшей, по А.А. Шахматову, в 1114 г.

Если исходить из гипотетических представлений А.А. Шахматова, то получается, что дошедшая до нас в составе летописей лаврентьевской традиции вторая редакция «Повести временных лет» под 1051–1110 гг. содержит летописные материалы целого ряда авторов: печерского монаха Никона Великого; какого-то новгородского летописца (или летописцев); печерского игумена Иоанна, печерского монаха Нестора; выдубицкого игумена Сильвестра; некоего загадочного Василия, а также отдельные тексты, принадлежащие создателю третьей редакции памятника. Согласно мнению А.А. Шахматова, материалы тех же самых авторов заключены и в параллельном тексте третьей редакции «Повести временных лет», но, начиная с рассуждений о столпе-ангеле под 1110 г. и до 1117 г. включительно, они принадлежат уже только создателю этой редакции, то есть неизвестному печерскому иноку из окружения князя Мстислава Владимировича. Однако по вопросу о том, какими характерными чертами с точки зрения манеры изложения тексты одного автора отличаются от текстов другого в известиях «Повести» за 1051–1117 гг., А.А. Шахматов оставил лишь разрозненные и случайные наблюдения, которые исходят из обычных для своего времени самых общих представле-

ний об отражении памятниками древнерусской письменности индивидуальных авторских стилей.

Как показало время, схема начального древнерусского летописания, предложенная А.А. Шахматовым, оказалась в главных чертах достаточно живучей и завоевала признание многих ученых. Однако нельзя не заметить, что такое положение вещей сохранялось, по существу, вопреки слабо обоснованным и крайне спорным положениям шахматовской концепции. Так, убеждение А.А. Шахматова в существовании несохранившейся первоначальной редакции «Повести временных лет» основано лишь на отнюдь не обязательном предположении о ее возможном отражении в послании Поликарпа к Акиндину. Мнение ученого о том, что Сильвестр был создателем новой редакции памятника, зиждется на априорном представлении о том, что игумен, коль скоро в его руках оказалась летопись, не мог остаться безучастным к помещенным в ней известиям и должен был сам взяться за перо. Совершенно произвольно утверждение А.А. Шахматова о том, будто свидетельство о трех огненных столпах, якобы читавшееся под 1110 г. в первоначальной редакции «Повести временных лет», Сильвестр заменил упоминанием лишь об одном столпе. Не более, чем предположением, является мнение исследователя о том, что окончание Несторовой летописи, если она продолжалась далее 1110 г., могло быть просто опущено Сильвестром. Никакого объяснения не дано А.А. Шахматовым относительно того, почему в самых ранних списках летописей лаврентьевской традиции запись игумена Сильвестра помещена после начала рассуждений о столпе-ангеле, а не следует непосредственно за сообщением о посещившем Печерский монастырь «знамении», где, согласно выкладкам ученого, ей и полагалось бы находиться. По мнению А.А. Шахматова, создатель третьей редакции «Повести временных лет», как и Нестор, был печерским монахом. Этот автор, по словам исследователя, отличался склонностью к пространным описаниям. Но статьи, включающие многословные описания и рассуждения летописца, не редки и в известиях до 1110 г. Как же в таком случае отличить работу создателя третьей редакции памятника от работы его предшественников, в особенности Нестора, совершенно неясно. А.А. Шахматов полагал, что разговор с новгородцем Гюрятой Роговичем о северных народах произошел у летописца в 1114 г. во время его пребывания на севере Руси, а, следовательно, мог попасть в текст «Повести временных лет» второй, Сильвестровской, редакции под 1096 г. не иначе, как из соответствующего места третьей редакции памятника. Но в данном случае исследователь исходил фактически из ничем не доказанного мнения о том, что тот же самый или какой-то другой летописец не мог побывать на русском севере в другое время и при составлении статьи 1096 г. вспомнить о беседе с Гюрятой как о состоявшейся *«преже сих четырех лет»*, то есть за четыре года до событий 1096 г., следовательно, в 1092 г. Многие из перечисленных выше и другие слабые места гипотезы начального древнерусского летописания, разработанной А.А. Шахматовым, давно обратили на себя внимание исследователей, в силу чего далеко не все они безоговорочно ее принимали.

По уровню владения летописными текстами, включая знание их языка, А.А. Шахматов на несколько порядков превзошел своих предшественников в деле изучения древнерусского летописания. Это позволяло ему гораздо глубже и разностороннее применять методы исследования летописных памятников, складывавшиеся в отечественной науке на протяжении XVIII–XIX вв. Но если методы изучения летописей и прежде всего «Повести временных лет», которыми пользовался А.А. Шахматов, и отличаются от методов исследования летописных памят-

ников в более ранний период, то главным образом масштабами применения. Следует подчеркнуть, что связываемое обычно с А.А. Шахматовым представление о «Повести» как о своде самых разных по авторской принадлежности материалов базируется на воззрениях его непосредственных предшественников, в особенности Н.И. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.П. Хруцова. В русле именно таких воззрений находится замечание ученого о том, будто одному автору «было бы непосильно» составление «житийных сказаний», «похвальных слов» и других своеобразных по жанровой природе частей летописного повествования¹³.

В.М. Истрин¹⁴ весьма критически отнесся к шахматовской схеме начального древнерусского летописания и выразил свое мнение по многим спорным вопросам, касающимся возникновения «Повести временных лет». Так, он пытался доказать, что в своей первоначальной редакции «Повесть» была составлена уже вскоре после кончины князя Ярослава Мудрого, то есть в середине XI в. Впоследствии ее текст периодически дополнялся известиями о происходивших событиях, причем одним из продолжателей мог быть и монах Никон Великий. Однако само по себе присоединение таких дополнений к первоначальному тексту «Повести», остававшемуся, по В.М. Истрину, неизменным, не означало возникновения новых редакций памятника. Как полагал ученый, в начале княжения Владимира Мономаха монах Нестор переработал наличный текст «Повести временных лет», обогатив его вводной частью и другими вставками и доведя описание событий по крайней мере до 1113 г. включительно. В статью 1097 г. он внес принадлежащий Василию обширный рассказ об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича. Летописный труд Нестора в 1116 г. был скопирован выдубицким игуменом Сильвестром, после чего Несторова летопись вернулась в Печерский монастырь. Здесь она была отчасти дополнена и продолжена каким-то автором, в котором В.М. Истрин видел приверженца Владимира Мономаха. Труд этого летописца, однако, тоже нельзя считать новой редакцией «Повести временных лет», так как никакой «внутренней обработки» предшествующего летописного текста он не производил. По мнению ученого, в изложении событий «Повесть» не продолжалась далее 1115 г. С учетом всего этого выходит, что в известиях «Повести временных лет» с середины XI в. и до 1115 г. В.М. Истрин предполагал отражение текстов, принадлежащих авторству самых разных летописцев, включая Никона Великого, Нестора, Василия и других. Однако вопроса о том, можно ли в сохранившемся тексте «Повести» отличить рассказы одного автора от рассказов другого, исследователь не касался.

А.С. Орлов¹⁵ обращал внимание на впечатление единства, которое оставляет «Повесть временных лет», но вместе с тем отмечал и то, что в ее тексте «ощущается творчество многих летописцев, последовательно сменявших друг друга». Согласно объяснению ученого, так получилось благодаря тому, что авторы, причастные к возникновению «Повести», редактируя записи своих предшественников, в то же время испытывали их влияние. В результате и «получилась некоторая общность» летописи по манере изложения. Однако из рассуждений А.С. Орлова неясно, почему же при этом в летописном тексте продолжает ощущаться «творчество многих летописцев», и в чем именно оно выражается.

Совершенно иначе, чем А.А. Шахматов, представлял себе возникновение «Повести временных лет» в части, начиная с середины XI в., С.А. Бугославский¹⁶. По его мнению, «Повесть» как цельный памятник заканчивается 1110 г. в летописях лаврентьевской традиции и 1111 г. в летописях ипатьевской традиции. Соответственно такому взгляду ученый предлагал выделять две редакции памятника,

причем вопрос об авторской принадлежности той и другой оставил открытым, не считая возможным связывать их возникновение с Нестором, а игумена Сильвестра рассматривая лишь как переписчика свода. С.А. Бугославский обращал внимание на то, что его научные выкладки не подтверждают мнения А.А. Шахматова о существовании летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет». Продолжение летописного рассказа после 1111 г. принадлежит, по С.А. Бугославскому, разным лицам, которые, за редкими исключениями, не стремились к литературной обработке своих записей.

Вопреки гипотетическим построениям А.А. Шахматова, постепенно завоевывавшим все большую популярность, довольно неожиданную точку зрения на «Повесть временных лет» выразил И.П. Еремин¹⁷. Так же, как почти сто лет назад М.И. Сухомлинов, он обращал внимание на явные признаки единства «Повести» по содержанию и форме изложения и был склонен видеть в ее тексте сочинение одного автора. По мнению И.П. Еремина, создателем заключенных в «Повести временных лет» разных по содержанию и по стилю повествований частей могло быть одно и то же лицо. Вопросы об отношении летописных статей 1110–1117 гг., содержащихся в летописях ипатьевской традиции, к предшествующему тексту памятника, как и вопроса о его редакционных разновидностях, исследователь не касался.

Л.В. Черепнин¹⁸, принимая основные положения разработанной А.А. Шахматовым схемы начального древнерусского летописания, попытался внести в нее существенные коррективы. Он полагал, что «Повесть временных лет» в своей первоначальной редакции была создана не ранее 1115 г. и заканчивалась описанием состоявшегося тогда в Вышегороде перенесения мощей Бориса и Глеба из деревянной церкви в каменную. По мнению Л.В. Черепнина, в 1116 г. игумен Сильвестр при переработке Несторовой летописи по какой-то причине опустил содержащееся в ней повествование за 1110–1115 гг., но своим описанием событий того времени так и не заменил, хотя и намеревался сделать это. Подробный рассказ о событиях 1110–1115 гг. был внесен автором, трудившимся в 1118 г. над созданием третьей редакции «Повести временных лет». Л.В. Черепнину принадлежит сделанное в самом общем виде замечание, согласно которому отраженная «Повестью» литературная манера Нестора сформировалась под влиянием известных ему более ранних летописных сводов. Из этого следует, что «Повесть временных лет» рассматривалась ученым как достаточно однородный по манере изложения летописный текст, единство которого обусловлено причастностью к его составлению одного автора с характерными для него приемами летописного повествования. В сохраненном летописии ипатьевской традиции под 1110–1117 гг. пространном рассказе о событиях, насколько можно понять Л.В. Черепнина, переплетаются свидетельства Нестора и создателя третьей редакции «Повести временных лет».

Д.С. Лихачев¹⁹ и Б.А. Рыбаков²⁰ тоже в целом принимали разработанную А.А. Шахматовым схему начального древнерусского летописания, хотя и пытались по-своему ее модифицировать. В тексте «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. они, как и А.А. Шахматов, усматривали переплетение записей самых разных авторов. При этом Д.С. Лихачев подчеркивал единство «Повести временных лет», но вместе с тем указывал на недопустимость рассматривать ее как сочинение одного автора. Однако неизбежный вопрос о том, за счет чего же «Повесть» как создание многих авторов превратилась в органическое целое, ученый оставил без ответа. Б.А. Рыбаков считал возможным связывать происхождение ряда тек-

стов завершающей части «Повести временных лет» с авторством Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава. В то же время автором помещенного в летописи под 1111 г. рассказа об удачном походе русских князей против половцев исследователю «хотелось бы видеть игумена Даниила», которому принадлежит известное «Хождение», причем заказать подобный рассказ мог, по мнению историка, все тот же Владимир Мономах. Как представлялось Б.А. Рыбакову, сообщение о съезде русских князей в 1103 г. является в составе «Повести временных лет» заметкой, по-ученически списанной Сильвестром с сочинения Даниила о Шаруканском походе 1111 г. Необходимо отметить, что иногда ученый подкреплял свои выводы наблюдениями над особенностями изложения летописного текста. Так, он утверждал, например, что речь Владимира Мономаха под 1111 г. в передаче Даниила отражает тот «злоупотребляющий постпозитивным членом» диалект, на котором Даниил писал свое «Хождение».

Своеобразная точка зрения по вопросу о происхождении текста «Повести временных лет» за вторую половину XI – начало XII вв. принадлежит М.Х. Алешковскому²¹. По его мнению, в окончательной авторской редакции «Повесть» была составлена в 1115 г., причем в ее основу был положен какой-то повествовательный источник, доходивший до 70-х гг. XI в. Через некоторое время, а именно в 1119 г. авторский текст «Повести» 1115 г. оказался в руках Василия, упомянувшего свое имя под 1097 г., и был им дополнен обширными вставками, в результате чего и сложилась окончательная редакция памятника. Если исходить из подобных представлений, то получается, что за период с середины XI в. до 1115 г. включительно «Повесть временных лет» содержит материалы, принадлежащие ее автору, редактору Василию, а также тексты, восходящие к ее источникам более раннего происхождения. При этом статьи 1116–1117 гг. выпали из поля зрения М.Х. Алешковского. Никаких суждений исследователь не оставил и относительно того, воспринимал ли он «Повесть временных лет» как некое единство или же как дробный текст.

В соответствии с представлениями А.Г. Кузьмина²² сообщения «Повести временных лет», начиная со второй половины XI в., сложились из материалов летописания Десятиной церкви, объединявшего самые разнообразные по авторской принадлежности известия, записей ученика Феодосия Печерского, которого исследователь был склонен отождествлять с игуменом Сильвестром, а также, возможно, и текстов Нестора. Как заметил А.Г. Кузьмин, «летописание XI – начала XII веков не сводится к одной печерской традиции с двумя-тремя именами предполагаемых летописцев». Однако вопросу о том, обнаруживается ли принадлежность текстов «Повести временных лет» за вторую половину XI – начало XII вв. разным авторам в характерных чертах их повествовательной манеры, исследователь внимания не уделил.

В сравнительно недавно появившейся работе В.К. Зиборова²³ сделана попытка обосновать предположение о своде 1077 г. как об одном из основных древнерусских летописных сводов XI в., отразившихся в «Повести временных лет». По мнению ученого, свод 1077 г. и должен считаться тем самым летописным памятником, возникновение которого связано с авторством Нестора. Стало быть, с конца 70-х гг. XI в., «Повесть» содержит тексты, принадлежащие каким-то другим авторам. Иначе говоря, ее текст за вторую половину XI – начало XII вв. состоит из разных по авторской принадлежности летописно-хроникальных записей.

Совершенно очевидно, что в послешахматовский период в отечественной науке сосуществовали два наметившиеся ранее взгляда на «Повесть временных

лет». Для одних исследователей «Повесть» представляла собой целостный по замыслу и литературным приемам летописный памятник, в котором просматривается единое авторское начало. Другие ученые усматривали в «Повести» прежде всего соединение разных по авторской принадлежности текстов. Некоторые исследователи, осознававшие определенное противоречие в существовании двух отмеченных взглядов на природу «Повести временных лет», пытались разрешить его своими предположениями о том, почему в одном и том же тексте, воспринимаемом как единое целое, в то же время можно видеть следы его сводного происхождения. Рассуждения по этому чрезвычайно сложному вопросу, если таковые даже и приводились в научных работах, всегда ограничивались лишь самыми общими соображениями, ничего не доказывающими и не объясняющими. Между тем от прояснения поставленного вопроса в понимании происхождения «Повести временных лет» может зависеть очень многое, если не все. После завершения научной деятельности А.А. Шахматова неоднократно предпринимались попытки пересмотреть предложенную им гипотезу о трех редакциях «Повести временных лет», но признать эти попытки более убедительными никак нельзя.

В послешахматовский период в отечественной науке неоднократно обсуждались и методы изучения летописных памятников. С особенной остротой дискуссия по этому вопросу развернулась в начале 70-х гг. прошлого столетия²⁴. Как известно, в центре внимания находилась проблема соотношения исторического и филологического подходов к исследованию летописных источников. Не вдаваясь в детали происходившей тогда дискуссии и ее результаты, следует отметить три обстоятельства. Во-первых, совершенно не затрагивались методы изучения летописей путем лингво-текстологического обследования того или иного летописного памятника в сопоставлении с другими летописями. Во-вторых, практически для всех участников обсуждения методологических и методических проблем летописеведческого исследования было характерно представление о древнейшем памятнике начального летописания, то есть о «Повести временных лет», как о летописном своде в давно устоявшемся значении этого термина, обычно применяемого к памятникам позднейшего летописания. В-третьих, одна из принимавших участие в полемике сторон, отстаивая свою позицию, исходила из необоснованного представления о бесспорности главных выводов, сформулированных А.А. Шахматовым по результатам своих разысканий в области начального древнерусского летописания.

С учетом сделанных замечаний в предполагаемой работе и была предпринята попытка применить средства лингво-текстологического анализа как одной из форм филологической критики текста для изучения летописных статей 1051–1117 гг. в целях дальнейшего исследования проблемы авторства и редакций «Повести временных лет». В случае возможности и необходимости производились наблюдения и над содержательной стороной исследуемых летописных текстов. Помимо указанных в начале данной статьи причин, которыми был обусловлен выбор в качестве объекта изучения комплекса летописных статей 1051–1117 гг., необходимо иметь в виду еще одно существенное обстоятельство. Нельзя исключать, что к возникновению этих статей имел отношение один и тот же автор, поскольку протяженность охваченного ими периода, особенно учитывая явно ретроспективный характер замечания летописца о себе под 1051 г., вполне сопоставима с продолжительностью жизни одного человека. В проверке этого предположения и состоит одна из главных целей данного исследования.

Как известно, в «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. периодически встречаются сходные по содержанию и по характеру изложения части текста самой разной протяженности. Сопоставление однородных или близких в содержательном и формальном отношениях фрагментов летописного текста представляет особый интерес с точки зрения достижения поставленных в данном исследовании целей. Поэтому на основании указанных признаков из состава летописных статей 1051–1117 гг. было выделено несколько групп текстовых фрагментов. Они не покрывают всего летописного изложения за отмеченный период, но тем не менее составляют его значительную часть. В качестве материала для сопоставления с показаниями исследуемого раздела «Повести временных лет» были использованы тексты Киевской летописи (1118–1200 гг.) по Ипатьевскому и сходным с ним спискам, а также Новгородской первой летописи за XII в. (1118–1200 гг.) по Синодальному списку. По общему объему эти летописные тексты более чем втрое превышают изучаемую часть «Повести» и, вне всякого сомнения, отражают записи самых разных летописцев, что имеет большое значение с точки зрения репрезентативности производимых сопоставлений. Всего по тексту «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. было намечено к исследованию 5 групп летописных фрагментов (хотя при желании их можно выделить и гораздо больше).

1. Замечания автора о самом себе в первом лице

1051 г.

В завершающей части статьи этого года автор сообщает, что он пришел в Печерский монастырь при игумене Феодосии и был принят им: *«К нему же и аз придох, худыи и недостойныи раб, и прият мя»* (Лавр. л., стб. 160; Ипат. л., стб. 149).

1065 г.

Здесь летописец вспоминает, как ему вместе с другими свидетелями довелось рассматривать мертвого ребенка-урода, вытасченного рыбаками в неводе из р. Сетомль: *«Его же позоровахом до вечера и паки ввергоша и в воду»* (Лавр. л., стб. 164; Ипат. л., стб. 153). Стоит заметить, что в Лаврентьевской и близких к ней летописях эти сведения ошибочно помещены под 1064 г.

1074 г.

Автор замечает под этим годом о том, что он был свидетелем некоторых проявлений монашеского подвизания инока Исаакия: *«А другое и самовидець бых»* (Лавр. л., стб. 196; Ипат. л., стб. 187).

1091 г.

Здесь автор изображает себя непосредственным участником обретения и перенесения мощей Феодосия Печерского из пещеры в монастырскую церковь: *«Его же повеленью бых аз грешныи первое самовидець. Еже скажю, не слухом бо слышав, но сам о семь началник. Пришедию же игумену ко мне и реkishю ми: поидеве в пещеру к Феодосьеви. Аз же пришед и со игуменом... Рече же ко мне игумен: не мози поведати никому же... Аз же пристроих семь дьне рогалие, ими же копати. И в вторьник, вечер, в суморок поях с собою два брата... Придох в пещеру и, отве псалмы, почых копати. И трудивься, вдах другому брату. Копахом до полуночьа, трудихом ся и не могуче ся докопати...»* и т. д. В помещенной далее

под тем же самым годом похвале Феодосию Печерскому летописец называет себя учеником Феодосия и призывает на помощь его молитвы: *«Аз же, грешнии твои раб и ученик, недоумею, чимь похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нечто... Моли ся за мя, отче честнии, избавлену быти от сети неприязнины, и от противника врага соблюди мя твоими молитвами»* (Лавр. л., стб. 209–214; Ипат. л., стб. 200–205).

1093 г.

В конце статьи этого года автор, трактуя тяжелые поражения, понесенные Русью от половцев, в качестве посланного Богом наказания за грехи, говорит о себе как о греховной личности, постоянно досаждающей Богу: *«Се бо аз грешнии много и часто Бога прогневаю и часто согрешаю, по вся дни»* (Лавр. л., стб. 225; Ипат. л., стб. 216).

1096 г.

Здесь летописец упоминает о том, как в числе других монахов он стал свидетелем нападения половцев на Печерский монастырь: *«И придоша на манастырь Печерьскыи, нам суцим по кельям, почивающим по заутрени. И кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыи, нам же бежающим задом манастыря, а другим взбегшим на полати»* (Лавр. л., стб. 232; Ипат. л., стб. 222). Ниже под тем же самым годом автор сообщает о состоявшейся у него ранее беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем о диковинном народе, живущем далеко на севере в окружении высоких гор: *«Се же хоцю сказати, яже слышах преже сих четырех лет, яже сказа ми Гюрята Роговичь новгородец... Мне же рекю к Гюряте...»* (Лавр. л., стб. 234–236; Ипат. л., стб. 224–226).

1097 г.

Автор упоминает под этим годом о том, как ему по поручению владимирского князя Давыда Игоревича пришлось вести переговоры с ослепленным теребовльским князем Васильком Ростиславичем, удерживавшимся Давыдом в своем городе: *«И яко приближися пост великыи, и мне ту суцю, Володимери, в едину ноць присла по мя князь Давыд, и придох к нему... И посадив мя и рече ми... Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему... Аз же идох к Василкови и поведах ему вся речи Давыдовы...»* и т. д. (Лавр. л., стб. 265–266; Ипат. л., стб. 239–240). Исключительно важно то, что в цитированном тексте содержится имя автора, каковым оказывается Василий. Скорее всего, летописец не указал бы своего имени в данном случае, как не названо оно во всех прочих случаях, когда автор что-либо сообщал о себе самом, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что имя Василия читается в составе прямой речи Давыда Игоревича, обращенной к летописцу (*«Да се, Василю, шлю тя...»*). Без сомнения, автор воспроизводил адресованные ему слова князя, в силу чего невольно и проговорился, назвав себя.

1106 г.

Летописец упоминает здесь о том, что многое из рассказанного им в летописи он узнал благодаря общению со старцем Яном: *«От него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаныи семь, от него же слышах»* (Лавр. л., стб. 281; Ипат. л., стб. 257).

1114 г.

Под этим годом автор говорит о своем посещении города Ладоги и о произошедших у него тогда беседах с местными жителями об известных им необычных явлениях: *«Пришедшо ми в Ладогу, поведаша ми ладожане... Сему же ми есть послух посадник Павел ладожский и вси ладожане»* (Ипат. л., стб. 277–278).

Как видно из приведенных данных, те или иные авторские замечания о самом себе содержатся в 9 статьях исследуемой части «Повести временных лет». При этом под 1091 г. и под 1097 г. читаются значительные по объему отрывки, в которых летописец почти непрерывно ведет рассказ от своего лица.

Совершенно иная картина обнаруживается в известиях Киевской летописи и Новгородской первой летописи за XII в. Как оказалось, Киевская летопись содержит лишь одно свидетельство какого-то автора о самом себе. Так, под 1172 г. летописец упоминает о том, что ему вместе с другими участниками описываемого эпизода довелось сопровождать тело скончавшегося князя Владимира Андреевича на пути из Вышегорода в Киев: *«Наутрья же в субботу поидохом с Володимиром из Вышегорода»* (Ипат. л., стб. 547). Только один случай упоминания автора о самом себе находится и в указанных хронологических пределах Новгородской первой летописи. Летописец под 1144 г. замечает: *«В то же лето постави мя попомъ архиепископ святыи Нифонт»* (Новг. I л., с. 27). Судя по данным статьи 1188 г. той же самой летописи, цитированное свидетельство принадлежит Герману Вояте, попу новгородской церкви св. Якова. Если оно не является позднейшей вставкой Вояты в созданный другим автором летописный текст, то его и можно считать летописцем.

Таким образом, очевидно, что по количеству случаев, когда летописец что-либо сообщает о себе, текст «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. сильно превосходит использованные для сопоставления с ним тексты Киевской и Новгородской первой летописей как в отдельности, так и в совокупности. Показательно, что свидетельство летописца о самом себе «Повесть» содержит и под 1114 г., то есть в продолжении летописного рассказа после его обрыва на части статьи 1110 г. в летописях лаврентьевской традиции.

2. Замечания автора от лица своих соотечественников-христиан

1068 г.

Летописец здесь сообщает об удачных действиях половцев против русских князей: *«Грех же ради наших пусти Бог на ны поганья, и побегоша русьскыи князи, и победиша половци»* (Лавр. л., стб. 167; Ипат. л., стб. 156). В следующем далее под тем же годом рассуждении автора о Божьих наказаниях замечания рассматриваемого типа встречаются регулярно: *«Аще ли покаявшеся будем, в нем же ны Бог велить жити, глаголетъ бо пророком нам... Да аще сице створим, всех грех прощени будем. Но мы на злое възращаемся... и тако пребываем. Тем же пророком нам глаголетъ... Сего ради, их же просим, не приемлем... Да того ради затворятся небо, ово ли зле отверзается... наших ради злюб. Аще ли покаемся от злюб наших, то акы чадом своим дастъ нам вся прошенья... Си слышаще, възтягнемся на добро... на покаянье придем, не въздающе зла за зло... но любовью прилетимся Господи, Боже нашемъ, постом и рыданьем, и слезами омывающе вся прегрешенья наша... Се бо не поганьскы ли живем... Но сими Дьявол лститъ... превабляя ны от Бога... Видим бо игрища утолочена... Да сего ради казни приемлем от Бога всяче»*

ския и нахоженье ратных. По Божью повелению приемлем казнь грех ради наших» (Лавр. л., стб. 168–170; Ипат. л., стб. 157–159).

1071 г.

Сообщая под этим годом о произошедшем в Чудской земле эпизоде с участием некоего новгородца и языческого волхва, автор высказывается от лица своих современников, приписывая кудеснику такие слова, адресованные новгородцу: «Суть же (языческие Боги — В.Р.) образом черни, крилаты, хвосты имуще. Всходять же и под небо, слушающе ваших Богов. Ваши бо Бози на небеси суть. А еще кто умреть от ваших людий то възносим ест на небо» (Лавр. л., стб. 179; Ипат. л., стб. 169).

1078 г.

В завершающей части статьи этого года летописец рассуждает о братолюбии и между прочим замечает: «Любве бо ради сниде Господь на землю и распят ся за ны грешныя, взем грехы наша, пригвозди на кресте, дав нам крест свои на прогнанье ненависти бесовское» (Лавр. л., стб. 203–204; Ипат. л., стб. 195).

1091 г.

Здесь в повествовании о подготовке к перенесению мощей Феодосия Печерского автор сообщает: «И приспевию празднику успенья Богородице трети деньими, повеле игумен рушити, где лежат моще его, отца нашего, Феодосья» (Лавр. л., стб. 209; Ипат. л., стб. 201). Ниже, в похвале Феодосию под тем же самым годом, летописец замечает: «Радуися, отче наш и наставниче...» (Лавр. л., стб. 213; Ипат. л., стб. 204).

1092 г.

В конце статьи этого года после сообщений о засухе и вызванных ею пожарах, о половецких нашествиях и моровых поветриях летописец отмечает: «Се же бысть за грехы наша, яко умножишиа греси наши и неправды. Се же наведе на ны Бог, веля нам имети покаянье, и встыгнутиа от греха и от зависти, и от прочих злых дел неприязнин» (Лавр. л., стб. 215; Ипат. л., стб. 206).

1093 г.

Описывая под этим годом неудачные для русских князей столкновения с половцами, летописец замечает в одном месте: «Нашим же ставшим межи валома» (Лавр. л., стб. 220; Ипат. л., стб. 211). В другом месте: «И побегоша наши... и падаху язвени пред врагы нашими, и мнози погыбоша... На заутрь... бысть плачь велик в граде, а не радость грех ради наших великих и неправды, за умноженье безаконий наших» (Лавр. л., стб. 221–222; Ипат. л., стб. 212–213). После рассказов о сокрушительных поражениях от половцев, понесенных русскими князьями, автор поместил рассуждение о Божьих наказаниях, весьма сходное с тем, которое читается под 1068 г. Вот характерные замечания летописца под 1093 г., которыми изобилует его рассуждение: «Се бо на ны Бог попусти поганья, не яко милоу их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дел. Симь казнить ны, нахоженьем нас гонима. Се бо ест батог его, да негли встыгнувшиея вспомянемся от злаго пути своего. Сего ради в праздники Бог нам наводит сетованье... Сотвори бо ся плачь велик в земли нашей, опустеша села наша и городи наши. Быхом бегающе пред врагы нашими... Тако да накажемся, тако веру имем, кажем есмы. Подо-

баше нам преданом быти в руки языку странну... Рцем велегласно... Рцем по оному разбоинику: достойная, яже сдеяхом, прияхом. Рцем со Иовом... Да нахоженьем поганых и мучими ими Владыку познаем, его же мы прогневахом. Прославлени бывше, не прославихом. Почтени бывше, не почтохом. Освятившися, не разумехом. Куплени бывше, не поработахом. Породившися, не яко отца постыдохомся. Согрешихом, и казними есмы. Яко же створихом, тако и стражем... Преидем поля... ноне видим нивы поростъше... Но обаче надеемся на милость Божью. Кажеть бо ны добре благыи Владыка. Не по безаконью нашему створи нам и по грехом нашим въздасть нам... Тако Господь створи нам: созда, падшая въстави, Адамле преступленья прости, баню нетленья дарова и свою кровь за ны изля. Яко же ны виде неправо пребывающа, нанесе нам сущую рать и скорбь, да и не хотяще всяко в будущи век обрящем милость... Яко же виде ны волю к нему обращающа, о, тмами любве, еже к нам. Понеже хотяще уклонихомся от заповеди его. Се уже не хотяще терпим... Где бо бе у нас умиленье... Где бе в нас въздыханье... Да никто же дерзнетъ реци, яко ненавидими Богомъ есмы... Кого бо тако Бог любить, яко же ны възлюбил есть? Кого тако почел есть, яко же ны прославил есть и възнесл? Никого же! Им же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всех почтени бывше, горее всех сдеяхом грехы. Яко же паче всех просвещени бывше, Владычню волю ведуще и презревшие, в лепоту паче инех казними есмы» (Лавр. л., стб. 222–225; Ипат. л., стб. 213–216).

1094 г.

Сообщив в конце статьи этого года о небывалом нашествии на Русь саранчи, летописец восклицает: *«И не бе сего слышано в днех первых в земли Русьсте, яже видеста очи наши за грехы наша»* (Лавр. л., стб. 226; Ипат. л., стб. 217).

1096 г.

Под этим годом летописец сообщает о том, как неожиданный маневр русских князей застал врасплох стоявших у Переяславля половцев: *«Се видевшие, половци и побегоша, а наши погнаша вслед ратных, секуще противныя... мнози, врази наши, ту падоша»* (Лавр. л., стб. 231–232; Ипат. л., стб. 222). Ниже, при описании нападения половцев на Печерский монастырь, автор отмечает: *«И придоша на манастирь Печерьскыи, нам сущим по кельям, почивающим по заутрени, и кликнуша около манастиря... Нам же бежащим задом манастиря, а другим възбегшим на полати... По семь възгоша дом святыя владычице нашея Богородице... и укаряху Бога и закон наш... Тем же и мы, последующе пророку Давыду, вопьем...»* (Лавр. л., стб. 232–233; Ипат. л., стб. 223).

1097 г.

Здесь в одном из эпизодов летописец выражает точку зрения своих современников, вкладывая в уста Владимиру Мономаху такие слова, сказанные им по поводу возможных последствий совершенного над Васильком злодеяния: *«Да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскеи земли и в нас, в братьи, оже вверже в ны ножь. Да аще сего не правим, то большее зло встанеть в нас... и врази наши половци пришедше возмутъ землю Русьскую»* (Лавр. л., стб. 262; Ипат. л., стб. 236).

1103 г.

В летописной статье этого года автор с особым удовлетворением рассказывает о большой удаче русских князей в борьбе с половцами. Заявив об оцепенении, в которое перед лицом русских воинов впали половцы, он продолжает: *«Наши же с весельем на конех и пеши поидоша к ним. Половци же, видевше устремленье руское на ся, не доступивше бо, побегоша пред русскими полки. Наши же познаша, женуце я. Дни 4 апреля месяца велико спасенье Бог створи, а на врагы наша даст победу велику»* (Лавр. л., стб. 278–279; Ипат. л., стб. 254). Ниже летописец высказывается от имени своих современников, вкладывая в уста Владимиру Мономаху такие слова: *«Съ день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся во нь, яко Господь избавил ны есть от враг наших и покори врагы наша»* (Лавр. л., стб. 279; Ипат. л., стб. 255).

1107 г.

Здесь летописец сообщает об очередной победе русских князей над половцами. Так же, как и под 1103 г., он отмечает беспомощность, овладевшую половцами, после чего сообщает: *«Наши же почаша сечи, женуци я, а другие руками имати. И знаша ноли до Хорола»* (Лавр. л., стб. 282; Ипат. л., стб. 258, вар. 48 и прим. под буквой і). Далее автор выражает общее мнение через передачу откликов по поводу достигнутого русскими князьями успеха, звучавших в среде печерских монахов, которые говорили, *«яко врази наша побежени быша молитвами святых Богородица и святаго отца нашего Феодосья»* (Лавр. л., стб. 282; Ипат. л., стб. 258).

1110 г.

Под этим годом в продолжении рассуждения об ангелах, сохраненном летописями ипатьевской традиции, летописец говорит: *«Яко и се бяше, и на ны навел Бог грех ради наших иноплеменныкы поганья, и побежахуть ны повеленьем Божьим... Тако и си погании поущени грех ради наших»* (Ипат. л., стб. 262–264). По словам автора, *«в хрестьянех не един ангел, но елико крестишася, паче же к благоверным князем нашим»* (Ипат. л., стб. 264).

1111 г.

В летописной статье этого года после рассказа об удачном походе русских князей против половцев автор снова возвращается к рассуждению об ангелах и среди прочего замечает: *«Ангелы бо, глаголю, наши поборники... Убо не великих ли честию достойни суть, нашу жизнь храняще?... Добро известно убо есть, любящим нас ангелом, яко нас ради к Владыце молящимся»* (Ипат. л., стб. 269–271).

1115 г.

Здесь в кратком панегирике Борису и Глебу по случаю перенесения их останков из деревянной вышегородской церкви во вновь построенную каменную летописец замечает, что князья-мученики *«еста похвала князем нашим... и дар ицеления приемша от Спаса нашего Исуса Христа»* (Ипат. л., стб. 282).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что рассуждения автора от имени своих соотечественников-христиан весьма обычны для известий «Повести временных лет» за 1051–1117 гг., не исключая и сохранившейся в летописях

ипатьевской традиции части за 1110–1117 гг. Это можно объяснить тем, что для автора христианская вера и христианское мировоззрение вообще представляли исключительную ценность и все происходящее он оценивал прежде всего с точки зрения соответствия христианским идеалам. Особенно характерны замечания от лица своих современников для пространных религиозно-нравоучительных отступлений летописца, связанных с борьбой против половцев. Свойственные автору в подобных случаях заявления о греховности дел и помыслов своих соотечественников, призывы к покаянию придают им особую патетику. Необходимо обратить внимание также на то, что замечания автора от лица своих соотечественников-христиан в исследуемой части «Повести временных лет» весьма разнообразны по способам выражения. Это и употребление различных форм местоимения первого лица множественного числа (*мы, нас, нам, ны* и др.), и применение притяжательных местоимений (*наш, нашего, нашей* и др.), и употребление глагольных форм первого лица множественного числа в настоящем или будущем времени (*видим, живем, приемлем, имем, будем, вопьем* и др.), и использование форм императива в первом лице множественного числа (*встанем, поправим, рцем* и др.), и употребление форм аориста первого лица множественного числа (*прогневахом, съгрешихом, уклонихомся* и др.).

Иначе дело обстоит с замечаниями автора от лица своих соотечественников-христиан в летописных текстах, использованных для сравнения с показаниями изучаемого текста «Повести временных лет».

Как выяснилось, в Киевской летописи подобные замечания начинают встречаться лишь с 70-х гг. XII в. Так, под 1173 г. летописец рассказывает о неудачной попытке группы русских князей овладеть Великим Новгородом и о тяжелых условиях, в которых они были вынуждены отходить восвояси, замечая при этом: *«Се бысть за наша грехы. Слышахом бо прежде трех лет бывшее знамение в Новгороде, всим людем видящим. В трех бо церквах новгородьских плакала на трех иконах святая Богородица... Не глаголем же: прави суть новгородьци, прадеды князь наших. Но злое неверьствие в них вкоренилося...»* (Ипат. л., стб. 561). Под следующим, 1174 г., автор дает такую оценку самоуверенности Андрея Боголюбского в его неудачной попытке подчинить своей воле южнорусских князей: *«Си бо вся быша от Дьявола на ны, иже всевает в сердце наше хвалу и гордость»* (Ипат. л., стб. 574). В летописной статье 1177 г. говорится о поражении русских князей в битве с половцами под Ростовцем, причем автор восклицает: *«И се Бог попусти казнь на ны, поганья, а не аки милуя их, но нас кажа, обращая ны к покаянию, да быхомся встанули от злых дел. И сим казнить ны, нахождением поганых. Се бо есть батог его, да некли смерившеся впомнимся от злаго пути»* (Ипат. л., стб. 603). Сообщая под 1179 г. о нападении половецкого хана Кончака на переяславские земли, летописец отмечает, что Кончак *«за грехы наша много зла створи крестьяном: оных плениша, а иных избииша»* (Ипат. л., стб. 612–613). Далее, под 1180 г., автор повествует об одной из княжеских усобиц и по поводу неудачи в осуществлении коварного замысла киевского князя Святослава Всеволодича замечает: *«Бог бо не любит высокия мысли нашей, възносящегося смирать»* (Ипат. л., стб. 615). Рассказывая под 1182 г. о действиях русских князей во главе с владимирским князем Всеволодом Юрьевичем против волжских булгар, автор при описании одного из эпизодов сообщает: *«Русь же доспевше полк... и поидоша противу им, и снхася с ними. Они же видевше побегоша, а наши погнаша, секуще поганья бохмиты»* (Ипат. л., стб. 626). Повествуя под 1185 г. о неудачном походе северских князей во главе с Игорем Святославичем против

половцев, летописец замечает: *«И тако в день святаго Воскресенья наведе на ны Господь гнев свои. В радости место наведе на ны плачь и во веселия место желю на реце Каяле»* (Ипат. л., стб. 642–643). Упомянув ниже под тем же самым годом о спасшихся в битве с половцами русских воинах, автор отмечает: *«Но наших, руси, с 15 мужь утекиши, а ковуев мене, а прочии в море истопоша»* (Ипат. л., стб. 644). Одно из сообщений летописца за 1187 г. гласит: *«И на ту осень бысть зима зла велми... Такои же в нашу память не бывало николи же»* (Ипат. л., стб. 653). Рассуждая под тем же годом о взятии Иерусалима, автор замечает: *«Аще во дни наша преда Господь град Ерусалим святыи безаконным тем агаряном, да кто свесть ум Господень, кто ли свесть таиная его створеная? Обретаем бо в судишских книгах, яко... Нам же укореным суцим, поношение приимающим от безаконных тех агарян, а чающе есмы Божия благодати и лика преславна»* (Ипат. л., стб. 655–656). Явно тот же самый летописец под 1190 г. снова упоминает о взятии Иерусалима агарянами в связи с попыткой его освобождения «немецким цесарем» и выражает общий взгляд на это событие: *«И си вся наведе на ны грех ради наших... Си же немци яко мученици святии прольяхи кровь свою за Христа со цесарем своим. О них бо Господь, Бог наш, знамение прояви... Се бо створи Господь за грехы наша, казня весь мир и пакы обраща, яко же сгрешихом и безаконьновахом и не оправдохом ся пред нимь»* (Ипат. л., стб. 667–668). Выражая под 1196 г. удовлетворение по поводу соглашения, достигнутого между группой русских князей, летописец отмечает: *«Преблагии и премилосердии Христос, Бог наш, не хотя дати радости Дьяволу, ни дикым половцем...»* (Ипат. л., стб. 700). В летописной статье 1199 г. помещена обширная похвала киевскому князю Рюрику Ростиславичу за его помощь в сооружении стены для укрепления построек Михайлово-Выдубицкого монастыря, которая содержит высказывания автора, выражающие общее мнение: *«В тое же время благоволи Бог, поновляя милость свою о нас благодатью единогодаго сына своего, Господа нашего Исуса Христа, и благодатью пресвятаго и животворящаго духа и вдохнув мысль благу в богоприятное сердце великому князю Рюрикови... Тако же и христолюбивая его княгини, тезоименна суци Анне, родительници матери Бога нашего... ни на что же ино упражняшеся, но токмо о церковных потребах...»* (Ипат. л., стб. 708, 710). Как показывают наблюдения, сравнительно с авторскими замечаниями от лица своих современников-христиан, зафиксированными в тексте «Повести временных лет» за 1051–1117 гг., подобного рода замечания в Киевской летописи никогда не представляют значительных по объему текстовых фрагментов. Помимо этого, они, в отличие от изучаемых свидетельств «Повести», гораздо беднее по способам выражения. В них местоимение первого лица множественного числа ни разу не употреблено в форме именительного падежа (*мы*), совершенно не используются формы императива первого лица множественного числа, а также глагольные формы будущего времени во множественном числе первого лица, редко употребляются глагольные формы первого лица множественного числа в настоящем времени (встретились лишь три примера: *не глаголем, обретаем, есмы*). Нет здесь и таких случаев, когда автор выражает общее мнение, вкладывая его в заявления своих героев. Вместе с тем Киевская летопись содержит примеры замечаний автора от лица своих современников, в которых обнаруживается подражание рассуждениям летописца, отраженным «Повестью временных лет». Так, восклицания автора под 1177 г. в связи с неудачей русских князей в борьбе с половцами у Ростовца почти дословно повторяют замечания летописца под 1093 г. по случаю поражения русских войск от половцев у Треполя и на Желани. В авторских сужде-

ниях под 1190 г. о том, что Иерусалим был завоеван иноплеменниками за умножение «злб наших», ибо «сгрешихом и безаконьновахом и не оправдохомся» пред Богом, допустимо усматривать влияние находящихся в «Повести» под 1068 г. и под 1093 г. рассуждений о половецких нашествиях как о наказании «наших ради злб», о необходимости покаяния «от злб наших», поскольку «сгрешихом, и казними есмы», хотя Бог «не по безаконью нашему створи нам и по грехом нашим въздасть нам». Это становится особенно очевидным, если принять во внимание замечание летописца под тем же 1190 г. о том, что «иде цесарь немецкий со всею своею землею битися за гроб Господень: проявил бо бяшетъ ему Господь ангелом, веля ему ити» (Ипат. л., стб. 667). Ангел по Божьему повелению побуждает здесь «немецкого цесаря» к битве с агарянами за освобождение гроба Господня совершенно так же, как под 1110–1111 гг. направляет русских князей, в особенности Владимира Мономаха, в поход на половцев.

Авторские замечания от лица современников-христиан встречаются и в тексте Новгородской первой летописи за XII в. Так, описание разразившегося в 1128 г. в Новгородской земле голода летописец завершает словами: «И тако по грехом нашим погыбе земля наша» (Новг. I л., с. 22). Упомянув в начале статьи 1138 г. о раннем громе, автор пишет: «Месяца марта... бысть гром велми, яко слышахом чисто, в истьбе седяще» (Новг. I л., с. 25). Далее, под 1145 г., сообщается о необычно дождливой погоде: «По томъ наиде дъжжь, яко не видехом ясна дни ни до зимы» (Новг. I л., с. 27). Ниже, под 1156 г., вступаясь за честь новгородского епископа Нифонта, летописец замечает: «О семь бы разумети комуждо нас! Которы епископ тако украси святую Софию?!... Мню бо, яко не хотя Бог по грехом нашим дати нам на утеху гроба его, отведе и Киеву, и тамо преставися» (Новг. I л., с. 29). В летописной статье 1158 г. автор упоминает о моровой поветрии среди людей: «В то же лето по грехом нашим мор бысть в людех мног» (Новг. I л., с. 30). Сообщая под 1161 г. о необычно теплой зиме, летописец отмечает: «Еще же за грехы наша... ста вся зима тепломъ и дожджемъ... и купляхом кадку малую по 7 кун» (Новг. I л., с. 31). В статье 1185 г. упоминается о солнечном затмении: «Мая в 1 день... солнце помърче... и пакы просветися, и ради быхом» (Новг. I л., с. 37–38). Наконец, под 1194 г. автор, сообщив о серии пожаров в Новгороде, продолжает: «И не ту ся зло устави за грехы наша» (Новг. I л., с. 41). Как видно, в тексте Новгородской первой летописи за XII в. замечания автора от имени своих соотечественников-христиан встречаются довольно регулярно. Однако по своему характеру они существенно отличаются от того, что в этом плане дает исследуемая часть текста «Повести временных лет». Во-первых, в Новгородской летописи, как и в Киевской, авторские свидетельства рассматриваемого типа никогда не образуют сколько-нибудь значительных по объему отрывков текста и встречаются лишь в виде беглых попутных замечаний. Во-вторых, они гораздо более сдержанны и явной религиозной патетики не несут, представляя собой, скорее, привычные восклицания, чем религиозно-нравоучительные призывы. По разнообразию способов выражения обнаруженные в тексте Новгородской первой летописи за XII в. замечания летописца от имени своих соотечественников уступают не только «Повести временных лет», но и Киевской летописи, ограничиваясь лишь формами притяжательных местоимений первого лица множественного числа, косвенными падежными формами местоимения первого лица множественного числа и глагольными формами аориста в первом лице множественного числа.

Критерием, характеризующим степень насыщенности летописного текста замечаниями автора от лица своих соотечественников-христиан, можно считать

отношение всего количества употреблений в соответствующем смысле тех или иных словесных форм в первом лице множественного числа к размеру исследуемого текста. Оказывается, что текст «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. содержит 140 случаев использования подобных форм, тогда как текст Киевской летописи включает 34 таких случая (считая, разумеется, прямые заимствования из «Повести временных лет»), а Новгородская первая за XII в. дает лишь 12. Таким образом, если в изучаемом тексте «Повести временных лет» находится 140 учитываемых фактов, то в совокупном тексте Киевской летописи и Новгородской первой летописи за XII в., трехкратно превосходящем объем этой части «Повести», имеется только 46 (34+12) таких фактов. Ясно, что «плотность» замечаний автора от имени своих соотечественников в известиях «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. многократно превышает аналогичный показатель совокупного текста Киевской и Новгородской первой летописей.

Из произведенных сопоставлений вытекает, что по употребительности замечаний автора от лица своих соотечественников-христиан исследуемый текст «Повести временных лет» явно противопоставлен позднейшим летописным текстам и вполне может принадлежать одному автору.

3. Авторские ремарки, относящиеся к ходу повествования

а) упоминания о сказанном выше

1051 г.

Летописец здесь обращает внимание на то, что Антоний положил начало Киево-Печерскому монастырю не как обладатель богатств, а благодаря пощению и добавляет: «...яко же глаголах» (Лавр. л., стб. 159; Ипат. л., стб. 148).

1093 г.

Под этим годом автор повторяет в одном месте о том, что тело скончавшегося киевского князя Всеволода Ярославича было положено в церкви св. Софии и замечает: «...яко же рекохом прежде» (Лавр. л., стб. 217; Ипат. л., стб. 208).

1098 г.

В статье этого года летописец еще раз сообщает о мире между русскими князьями, о котором он уже упомянул под 1097 г., после чего прибавляет: «...яко же и в прежнее лето сказах» (Лавр. л., стб. 273).

1110 г.

В самом конце статьи этого года летописец напоминает о том, когда наблюдалось описанное под тем же годом выше «знамение» над Печерским монастырем, начиная так: «Яко же рекохом прежде...» (Ипат. л., стб. 264).

1111 г.

Здесь после описания удачного похода русских князей против половцев автор снова вспоминает о предшествовавшем этому событию видении, посетившем Печерский монастырь: «Се бо, яко же рекохом, виденье видеши в Печерском манастири...» (Ипат. л., стб. 268). Чуть ниже летописец вторично отмечает, что в виде огненного столпа тогда являлся ангел, который и побудил Владимира Мономаха

призвать русских князей к походу на половцев, а завершает это сообщение ремаркой: «...яко же рекохом» (Ипат. л., стб. 268).

1114 г.

В самом конце статьи этого года автор замечает: «*Се бо и бысть последняя земля, о неи же сказахом первое*» (Ипат. л., стб. 279). Данная ремарка подразумевает территории за Югорой и Самоядью, о которых летописец, по его свидетельству в начале той же статьи, беседовал с ладожанами.

б) замечания, предваряющие летописные рассказы или сообщения

1051 г.

Помещенному под этим годом рассказу о начале Печерского монастыря летописец предпосылает такое замечание: «*И се да скажем, что ради прозвася Печерьскыи манастырь*» (Лавр. л., стб. 155; Ипат. л., стб. 143). Завершив повествование, автор обещает рассказать в дальнейшем о жизни Феодосия Печерского, фактически заранее предваряя его словами: «*А о Феодосьеве житьи паки скажем*» (Лавр. л., стб. 160; Ипат. л., стб. 149).

1071 г.

Находящийся в статье этого года обширный рассказ о действиях подстрекаемых бесами волхвов на северо-востоке Руси автор предваряет такими словами: «*Яко же се скажем бесовское наущенье и деиство*» (Лавр. л., стб. 175; Ипат. л., стб. 164). В начале следующего далее повествования о внешности бесов и их заблуждении летописец говорит: «*Яко же и се скажем о взоре их и о омраченьи их*» (Лавр. л., стб. 179; Ипат. л., стб. 168).

1074 г.

Выполняя здесь данное выше обещание рассказать о Феодосии Печерском, летописец начинает с такого замечания: «*Скажем же о успеньи его мало*» (Лавр. л., стб. 183; Ипат. л., стб. 173).

1091 г.

Помещая под этим годом рассказ о том, как сбылось предсказание Феодосия Печерского о Марии, супруге Яна Вышатича, летописец начинает так: «*Се же повесть мало нечто, еже ся сбысть прореченье Феодосьево*» (Лавр. л., стб. 211; Ипат. л., стб. 203). Следующую далее похвалу Феодосию автор предваряет такой ремаркой: «*Но се реку мало нечто*» (Лавр. л., стб. 213; Ипат. л., стб. 204).

1096 г.

Рассказ о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем, находящийся среди известных за этот год, летописец начинает с такого замечания: «*Се же хоцю сказати, яже слышах прежде сих четырех лет, яже сказа ми Гюрята Роговичь новгородець*» (Лавр. л., стб. 234; Ипат. л., стб. 224).

1102 г.

В конце статьи этого года летописец высказывает намерение рассказать о походе русских князей против половцев, состоявшемся на следующий год: «*Яко же скажем в пришедшее лето*» (Лавр. л., стб. 276; Ипат. л., стб. 252).

1104 г.

Содержащееся под этим годом краткое сообщение о неудавшемся походе русских князей против минского князя Глеба летописец предваряет такой ремаркой: «*Се же скажем*» (Лавр. л., стб. 280).

в) замечания о возврате к прежней теме повествования

1068 г.

В летописной статье этого года автор возвращается к прерванному выше рассказу о поражении русских князей в битве с половцами на р. Альте, сообщая об этом так: «*Мы же на предлежащее наки възвратимся*» (Лавр. л., стб. 236; Ипат. л., стб. 226).

1096 г.

Приступая к продолжению начатого под этим годом рассказа о княжеской распри, летописец замечает: «*Но мы на предняя възвратимся, яко же бяхом прежде глаголали*» (Лавр. л., стб. 236; Ипат. л., стб. 226).

1097 г.

Возвращаясь к прерванному выше повествованию о событиях, связанных с ослеплением князя Василька Ростиславича, летописец говорит: «*Но мы на свое възвратимся*» (Лавр. л., стб. 264; Ипат. л., стб. 238).

г) замечания о содержании законченного повествования

1051 г.

Под этим годом по окончании рассказа о начале Печерского монастыря летописец оставил такую ремарку: «*Се же написах и положих, в кое лето почал быти манастирь и что ради зоветься Печерьскыи*» (Лавр. л., стб. 160; Ипат. л., стб. 149).

д) замечания о прекращении повествования по данной теме

1114 г.

В летописной статье этого года автор поместил основанное на доступных ему источниках довольно пространное рассуждение о необычных природных явлениях, но затем отклонился от темы и, видимо, поняв, что слишком увлекся, заметил: «*Но мы не предложим слова...*» (Ипат. л., стб. 279).

Как показывают наблюдения, из летописных текстов, привлеченных для сопоставления с исследуемой частью «Повести временных лет», авторские ремарки, относящиеся к ходу повествования, встречаются только в Киевской летописи. Здесь имеются замечания автора о сказанном выше. Так, вторично упоминая под 1142 г. о намерении киевского князя Всеволода Олеговича наделить свою братию четырьмя городами, летописец отмечает, что их названия упомянуты им выше: «*...яже и преди нарекохом*» (Ипат. л., стб. 311). Далее, под 1145 г., автор повторно касается отмеченного в статье 1122 г. эпизода с пленением и ограблением ляхами перемышльского князя Володаря Ростиславича, замечая: «*...о нем же бе в задних летех писано*» (Ипат. л., стб. 319). Упоминая под 1146 г. о выше уже названных

предателях киевского князя Игоря Олеговича, летописец отмечает: «...о них же переже рекохом» (Ипат. л., стб. 325). Под тем же самым годом автор вторично говорит о дарах, полученных половцами от князя Святослава Олеговича: «...их же мы преди написахом» (Ипат. л., стб. 339). Ниже, под 1174 г., летописец повторно обращает внимание на то, что слова апостола Павла применимы к Андрею Боголюбскому, потерпевшему неудачу в попытке подчинить своей воле южнорусских князей: «...еже переде написахом» (Ипат. л., стб. 577). Наконец, под 1185 г. автор, еще раз говоря об одном из упомянутых выше эпизодов, замечает: «...но яко же преже рекохом...» (Ипат. л., стб. 650). Встречаются в Киевской летописи и ремарки, предвещающие рассказы или другие свидетельства летописца. Так, намереваясь рассказать о том, как в 1174 г. на Андрее Боголюбском сбылись слова апостола Павла, автор замечает: «...еже и последи скажем» (Ипат. л., стб. 574). Предваряя под 1183 г. известие о конфликтной ситуации в связи с поставлением грека Николая на Ростовскую епископскую кафедру, автор говорит: «Мы же убо о сем поглаголем» (Ипат. л., стб. 629). Подобным же замечанием летописец под 1187 г. предваряет и свое рассуждение о взятии Иерусалима агарянами: «Мы же о сем поглаголем» (Ипат. л., стб. 655). Повествование о принятии монашеского пострига смоленским князем Давыдом Ростиславичем летописец предваряет под 1197 г. такими словами: «...его же последи скажем» (Ипат. л., стб. 702). Весьма характерными для текста Киевской летописи являются авторские ремарки о возврате к прежней теме повествования, которые обычно имеют такой вид: «Мы же на преднее възвратимся» (Ипат. л., стб. 304, 531, 539, 574, 585, 593). Значительно реже они встречаются в таком виде: «Мы же на предлежащее възвратимся» (Ипат. л., стб. 516, 698, 704). Авторских ремарок о содержании законченного повествования и о прекращении повествования по той или иной теме в Киевской летописи не обнаружено.

Сопоставление текстов «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. и Киевской летописи по употреблению авторских ремарок, относящихся к ходу повествования, дает такие результаты. Во-первых, если «Повесть» в изучаемых хронологических пределах содержит 5 разновидностей подобных ремарок, то Киевская летопись только 3. Во-вторых, в изучаемом тексте «Повести», уступающем тексту Киевской летописи по объему почти в три раза, насчитываются 22 такие ремарки против 19 ремарок, отраженных Киевской летописью. При этом часть текста «Повести» за 1110–1117 гг., сохранившаяся в летописях ипатьевской традиции, включает 5 ремарок, а, следовательно, насыщена ими примерно в такой же степени, как и часть за 1051–1110 гг. В-третьих, между наиболее употребительными авторскими ремарками, зафиксированными в исследуемой части «Повести временных лет» и в Киевской летописи, наблюдаются явные различия по предпочтительному использованию глагольных форм. Так, если замечания о сказанном выше и указания, предвещающие те или иные летописные сообщения, встречаются в тексте «Повести» за 1051–1117 гг. с формами глаголов *сказати* (10 случаев) *речи* (5 случаев), *глаголати* (1 случай), *поведати* (1 случай), то в тексте Киевской летописи с формами глаголов *написати* (2 случая), *поглаголати* (2 случая), *речи* (2 случая), *сказати* (2 случая), *наречи* (1 случай), *писати* (1 случай). Все изложенные наблюдения позволяют утверждать, что тенденция к сопровождению касающимися хода повествования разнообразными авторскими ремарками в изучаемом тексте «Повести временных лет» выражена примерно втрое сильнее, чем в Киевской летописи. Следовательно, в хронологических пределах 1051–1117 гг. она опять-таки может отражать текст единой авторской принадлежности.

Что же касается отсутствия каких-либо авторских замечаний, сопровождающих повествование, в тексте Новгородской первой летописи за XII в., то причина этого достаточно очевидна. Здесь, в отличие от «Повести временных лет» и Киевской летописи, нет больших по объему статей, в которых требовалось бы попутными указаниями соподчинять разнообразным по содержанию и месту расположения в тексте летописные фрагменты, временно оставляя ту или иную тему повествования, а затем возвращаться к ней вновь и т. п. Но подобное строение текста Новгородской первой летописи в пределах XII в. лишь подчеркивает отличительные особенности изучаемой части «Повести временных лет».

4. Указания на продолжение существования того или иного упоминаемого объекта во времена летописца

1051 г.

В статье этого года летописец отмечает, что будущий киевский митрополит Илларион в бытность свою пресвитером посещал тот самый холм на днепровском берегу, «*где ныне ветхый монастырь Печерьский*» (Лавр. л., стб. 156; Ипат. л., стб. 144). Ниже под тем же самым годом автор упоминает о том, что первые печерские монахи, собранные еще Антонием, соорудили большую пещеру, построили церковь и кельи, «*яже суть и до сего дне в пещере под ветхым монастырем*» (Лавр. л., стб. 157; Ипат. л., стб. 145–146). Здесь же несколько далее летописец сообщает об удалении Антония от своей братии на другой холм и о создании им новой пещеры, «*яже есть под новым монастырем*» (Лавр. л., стб. 158; Ипат. л., стб. 146). Чуть ниже автор добавляет о том, что «*в ней же лежат моще его и до сего дне*» (Лавр. л., стб. 158; Ипат. л., стб. 146).

1060 г.

Под этим годом читается свидетельство о том, что торки, испугавшись двинувшихся на них походом русских князей, «*пробегоша, и до сего дне*» (Лавр. л., стб. 163; Ипат. л., стб. 152).

1072 г.

Здесь автор упоминает о том, что мощи Бориса и Глеба были перенесены в построенную князем Изяславом в Вышегороде новую церковь, «*яже стоит и ныне*» (Лавр. л., стб. 181; Ипат. л., стб. 171).

1074 г.

В статье этого года читается свидетельство летописца о том, что монастырь, основанный Антонием Печерским на Болдиных горах под Черниговом, «*есть ту... и до сего дне*» (Лавр. л., стб. 193; Ипат. л., стб. 185).

1079 г.

Здесь находится замечание автора о князе Романе Святославиче, убитом половцами где-то в своей земле: «*Суть кости его и доселе лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярослава*» (Лавр. л., стб. 204; Ипат. л., стб. 196).

1097 г.

Рассказывая под этим годом об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича, летописец упоминает о том, как неумелые ослепители поранили

князю лицо, и добавляет: *«И есть рана та Василке и ныне»* (Лавр. л., стб. 261; Ипат. л., стб. 235).

1115 г.

Сообщая здесь об установлении гробниц с мощами Бориса и Глеба в каменной вышегородской церкви, автор замечает: *«И поставиши я в комару тою на деснеи стране, где ныне лежита»* (Ипат. л., стб. 281).

Обследование текстов Киевской летописи и Новгородской первой летописи за XII в. показало, что свидетельства о продолжении существования того или иного упоминаемого объекта и во времена летописца в них совершенно отсутствуют. Следовательно, по этому признаку текст «Повести временных лет» за 1051–1117 гг., включающий 10 подобных свидетельств, отчетливо противопоставлен сопоставляемым с ним летописным материалам. При такой ситуации показательным можно считать наличие даже одного свидетельства рассматриваемого типа в известиях «Повести» за 1110–1117 гг. Скорее всего, это означает, что в хронологических пределах 1051–1117 гг. «Повесть временных лет» заключает тексты одной и той же авторской принадлежности.

5. Описания вооруженных столкновений Руси с половцами и рассуждения о них

1068 г.

Летописная статья этого года начинается сообщением о неудаче русских князей в столкновении с половцами на р. Альте: *«Придоша иноплемьници на Русьску землю, половьци мнози... Грех же ради наших пусти Бог на ны поганья, и побегоша русьскыи князи, и победиша половьци»* (Лавр. л., стб. 167; Ипат. л., стб. 156). Далее следует рассуждение летописца о Божьих наказаниях за грехи, начало которого тесно связано с упомянутым выше поражением русских князей: *«Наводит бо Бог по гневу своему иноплемьники на землю...»* (Лавр. л., стб. 167; Ипат. л., стб. 156–157).

1093 г.

Здесь, при описании неудачи киевского князя Святополка Изяславича в битве с половцами на Желани, автор сообщает: *«И поидоша противу собе обои и съступишиася, и укрепися брань. И побегоша наши пред иноплемьники, и падаху язвени пред врагы нашими»* (Лавр. л., стб. 221; Ипат. л., стб. 212). Рассуждая ниже под тем же самым годом о поражениях русских князей от половцев, летописец замечает: *«Створи бо ся плачь велик в земли нашеи... быхом бегаючи пред врагы нашими»* (Лавр. л., стб. 222; Ипат. л., стб. 213).

1096 г.

Сообщая под этим годом о поражении половецкого хана Тугоркана под Переяславом, летописец говорит: *«И сдея Господь в ть день спасенье велико... побержени быша иноплемьници... Мнози врази наши ту падоша»* (Лавр. л., стб. 231–232).

1103 г.

Здесь помещен рассказ о большом успехе русских князей в битве с половцами на Сутени. Автор отмечает в одном месте: «*Дни 4 априля месяца велико спасенье Бог створи, а на врагы наша дасть победу велику*» (Лавр. л., стб. 279; Ипат. л., стб. 254). Ниже под тем же годом летописец вкладывает в уста Владимиру Мономаху такие слова, произнесенные им по случаю одержанной победы: «*Съ день, иже створи Господь, възрадуемся и взвеселимся во нь, яко Господь избавил ны есть от враг наших и покори врагы наша*» (Лавр. л., стб. 279; Ипат. л., стб. 255).

1107 г.

В летописной статье этого года автор повествует о крупной победе русских князей над половцами под Лубном, а оценку достигнутого успеха влагает в уста печерским инокам, которые говорили, «*яко врази наша побежени быша молитвами святых Богородица и святого отца нашего Феодосья*» (Лавр. л., стб. 282; Ипат. л., стб. 258).

1110 г.

Автор представляет здесь явление над Печерским монастырем огненного столпа как посещение ангела и вопрошает: «*Не съ ли ангел вожь бысть на иноплеменники и супостаты?*» (Лавр. л., стб. 285; Ипат. л., стб. 262). Ниже, в продолжении рассуждения об ангелах, летописец трактует половецкие нашествия как наказания Божьи за грехи: «*Яко и се бяше, и на ны навел Бог грех ради наших иноплеменники поганья, и побежахуть ны повеленьем Божьим*» (Ипат. л., стб. 262–263).

1111 г.

Под этим годом летописец рассказывает о победах русских князей над половцами во время Донского похода: «*И бывшию же соступу и брани крепце, Бог вышнии возре на иноплеменники со гневом, падаху пред хрестьяны. И тако побежени быша иноплеменници и падоша мнози врази наши, супостати, пред рускыми князи и вои на потоци Дегея... Наставишу же понеделнику страстныя недели, паки иноплеменници собраша полки своя, многое множество... и оступиша полки рускыи... И бысть брань люта межси ими, и падаху обои... И падаху половци пред полком Володимеровом, невидимо бьени ангелом... Избьени быша иноплеменнице, многое множество, на реце Салнице... Се бо ангел вложи в сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменники, русьскыи князи*» (Ипат. л., стб. 267–268).

Привлеченная для сопоставления с показаниями «Повести временных лет» Киевская летопись тоже содержит описания военных столкновений Руси с половцами и рассуждения по этому поводу. Так, под 1126 г. в ней сообщается: «*Слышавшие же се врази половци, смерть Володимерю, и присунушася к Баручю... Наворопившие же врази и не въспевшие ничто же... Ярополк же князь укрепився и иде по них... И сразившемся полкома, побежени бывшие погани силою честнаго креста и святым Михаилом... И поможе ему Бог и отца его молитва. И прославиша Бога вси людье о таком даре и помощи*» (Ипат. л., стб. 289–290). Далее, в статье 1170 г., летописец повествует о победе русских князей над половцами на р. Угле: «*И бысть весть половцем... оже идуть на не князи русьстии... Князи же уведавшие, оже половци побегли... и поехаша вборзе по них... И взяша веже их на Угле реце, а другие по Снопороду. А самех постигоша в Черного леса, и ту притис-*

нувшие к лесу избиша е, а ины руками изоимаша» (Ипат. л., стб. 539–540). Рассказывая под 1177 г. о поражении русских князей половцами у Ростовца, автор сообщает: «Придоша половци на Рускую землю... Половци же взяша 6 городов берендичь и поидоша к Ростовцю... И постигоша (русские князья — В.Р.) половце у Ростовца. И половци оборотившися победиша полкы русьские и много бояр изымаша, а князе въбегоша в Ростовець. И се Бог попусти казнь на ны, а не аки милуя их, но нас кажа, обращая ны к покаянию, да быхом ся въстягнули от злых дел. И сим казнить ны, нахожениемъ поганых. Се бо есть батог его, да некли смерившися въспомянемся от злаго пути» (Ипат. л., стб. 603). Нельзя не заметить, что в приведенных фрагментах Киевской летописи очевидно подражание автора сообщениям и рассуждениям о половцах, находящимся в «Повести временных лет» под 1068 г. и особенно под 1093 г. Летописная статья 1179 г. содержит такое описание половецкого нашествия на Русь: «Того же лета месяца августа придоша иноплеменици на Рускую землю, безбожнии измаилтяне, оканьнии агаряне, нечистиши ищадья Дьяволя, и нравом Сотониным, именем Кончак, злу началник... Сии же богостуднии Кончак со единомысленными своими приехавше к Переяславлю за грехы наша много зла створи крестьяном: онех плениша, а иныя избиша, множаиши же избиша младеньци» (Ипат. л., стб. 612–613). Изложение одного из эпизодов похода новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев в 1185 г. дано автором в таком виде: «Половце же пробегоша веже, и русь же дошедше вежь и ополоншася, друзии же ночь приехаха к полком с полоном. И яко собрашася половци вси, и рече Игорь ко братома и к мужем своим: се Бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас честь и слава...» (Ипат. л., стб. 640). Разнообразные эпизоды противоборства Руси и половцев Киевская летопись содержит и в других местах (см.: Ипат. л., стб. 545, 550, 556, 562, 639, 679 и др.). Что же касается Новгородской первой летописи, то в ее тексте за 1118–1200 гг. ни о каких столкновениях Руси с половцами не упоминается.

Если сопоставить описания вооруженных столкновений Руси с половцами и сопровождающие их рассуждения в «Повести временных лет» и в Киевской летописи, то можно прийти к совершенно определенному выводу. Как выясняется, для исследуемого текста «Повести» за 1051–1117 гг. чрезвычайно характерно именование половцев *иноплемениками* и *врагами нашими* (соответственно 11 и 7 случаев). Точно так же половцы названы и в приведенных по Киевской летописи фрагментах (под 1179 г. и под 1185 г.), то есть всего в двух случаях, а других подобных примеров в ее тексте нет. Поэтому было бы очевидным заблуждением полагать, что *иноплемениками* или *врагами нашими* в «Повести временных лет» именуют половцев разные летописцы. Скорее всего, характерные обозначения часто нападавших на русские земли во второй половине XI – начале XII вв. степняков принадлежат в ее тексте одному автору. При этом наличие таких обозначений в известиях за 1110–1117 гг. лишь очередной раз свидетельствует о единстве текста «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. с точки зрения авторской принадлежности.

Таким образом, в каждой из пяти групп летописных фрагментов, намеченных к исследованию по тексту «Повести временных лет» за 1051–1117 гг., наблюдается очевидное родство приемов изложения. Существенное значение имеет то, что во всех случаях оно не ограничивается только текстом в пределах 1051–1110 гг. (до записи Сильвестра), а систематически проявляется и в части за 1110–1117 гг. По характерному подбору средств выражения, а нередко и по насыщенности ими все эти группы в составе исследуемой части «Повести» явно противопоставлены

сходным по содержанию фрагментам Киевской летописи и Новгородской первой летописи за XII в. Летописные фрагменты, которые «Повесть временных лет» включает в рамках пяти отмеченных групп, являются органическими составными элементами ее текста, в силу чего было бы недопустимо связывать их происхождение, а, следовательно, и возникновение окружающего текста с разными авторами. Поэтому можно считать, что весь текст «Повести временных лет» или во всяком случае преобладающая его часть в пределах от 1051 г. до 1117 г. включительно является произведением одного автора.

Этот принципиально важный вывод имеет возможность существенно подкрепить и тем самым показать его убедительность. В исследовании текста «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. и сопоставляемых с ним текстов Киевской летописи и Новгородской первой летописи за XII в. необходимо уделить внимание таким показателям стиля изложения, которые обуславливаются не столько сознательными, сколько подсознательными факторами. К числу подобных показателей относится, например, частота использования (степень употребительности) в летописном тексте тех или иных средств выражения, которая в определенной мере будет характеризовать повествовательный стиль автора. В качестве объектов наблюдения с этой точки зрения были избраны 5 разновидностей языковых элементов (при необходимости их количество могло бы быть существенно расширено), встречающихся во всех исследуемых летописных текстах:

1) Обороты типа дательный-самостоятельный: «*Яневи же идущю домови...*» (Лавр. л., стб. 178; Ипат. л., стб. 165), «*Разболевшюся ему велми...*» (Лавр. л., стб. 217; Ипат. л., стб. 208), «*И отпешим им обедню...*» (Ипат. л., стб. 280), «*И ловцем пришедшим к Всеволоду...*» (Ипат. л., стб. 296), «*Володимеру же того не ведущю...*» (Ипат. л., стб. 416), «*В неделю же празднику бывшю...*» (Ипат. л., стб. 680), «*Тому же лету исходящю...*» (Новг. I л., с. 33), «*Служившю ему у свягаго Иякова...*» (Новг. I л., с. 39) и т. п.

2) Выражения типа *и тако* (изредка *ти тако*), встречающиеся обычно в начале фразы и выполняющие союзную, связующую роль: «*И тако раздели им грады...*» (Лавр. л., стб. 161; Ипат. л., стб. 150), «*И тако взя победу на бесы...*» (Лавр. л., стб. 196; Ипат. л., стб. 187), «*И тако разидошася каждо в своя си*» (Ипат. л., стб. 282), «*И тако прельсти Игоря...*» (Ипат. л., стб. 316), «*И тако целовавше крест...*» (Ипат. л., стб. 460), «*И тако отяша князя своего...*» (Ипат. л., стб. 647), «*И тако по грехом нашим погыбе земля наша*» (Новг. I л., с. 22), «*И тако ся управиша по воли*» (Новг. I л., с. 35) и т. п.

3) Выражения типа *по семь же* (иногда *по семь*) в значении «после этого», обычно встречающиеся в начале фразы: «*По семь же Бог князю вложи в сердце...*» (Лавр. л., стб. 156; Ипат. л., стб. 144), «*По семь же начаша в дне являтися на коних...*» (Лавр. л., стб. 215; Ипат. л., стб. 206), «*И по семь царствова сын его...*» (Ипат. л., стб. 279), «*И по семь придоша все силы...*» (Ипат. л., стб. 576), «*По сем же Святослав приеха с новгородьци*» (Ипат. л., стб. 621) и т. п.

4) Выражения типа *по томь же* (иногда *по томь*) в значении «после того», встречающиеся обычно также в начале фразы: «*По томь поча жити крепле...*» (Лавр. л., стб. 198; Ипат. л., стб. 189), «*По томь наступиша на Володимера*» (Лавр. л., стб. 220), «*И по том не видим бысть*» (Лавр. л., стб. 284; Ипат. л., стб. 261), «*По том Бог отда ему немощи*» (Ипат. л., стб. 337), «*По томь же новгородци послашася ко Аньдрею князю...*» (Ипат. л., стб. 566), «*По том же позва Давыд чернии клобуци вси...*» (Ипат. л., стб. 682), «*И по том даша посадницьство Якуну*

Мирославицю» (Новг. I л., с. 29), «*И по томь боле въздвижесе...*» (Новг. I л., с. 41) и т. п.

5) Выражения типа *темь же* (иногда *темь*) со значением «поэтому», «потому», употребляющиеся опять же в начале фраз: «*Темь же почтен есть манастирь Печерьский старей всех*» (Лавр. л., стб. 160; Ипат. л., стб. 149), «*Темь и человеци глаголаху, яко навье бють полочаны*» (Лавр. л., стб. 215; Ипат. л., стб. 206), «*Темь же и с Христом въцариста в вечную радость...*» (Ипат. л., стб. 282), «*Тем же... въеха переже всех в противныя...*» (Ипат. л., стб. 390), «*Темь никудаже не може пути собе налести*» (Ипат. л., стб. 637) и т. п.

Выяснение показателей частоты использования всех этих языковых средств в изучаемых летописных текстах и их оценка производились с применением вероятностно-статистической методики. Для каждого текста путем сплошного подсчета была установлена частота (m) каждой из намеченных к анализу разновидностей средств выражения. В качестве показателя величины исследуемых текстов (n) было принято заключенное в каждом из них число простых фраз, которое определялось приблизительно: сначала вычислялось среднее количество простых фраз на одном листе рукописи летописного текста, после чего оно умножалось на число занятых данным текстом листов. Доля (p) каждого изучаемого средства выражения устанавливалась по формуле $p = m : n$. При оценке степени расхождения долей учитывались их абсолютные максимальные ошибки (L_p), вычислявшиеся по формуле $L_p = 2\sqrt{p(1-p)} : n : n$. Если при сравнении двух долей после вычитания из большей ее ошибки и прибавления к меньшей ее ошибки большая доля все равно оставалась большей, а меньшая все равно оказывалась меньшей, то расхождение между ними признавалось существенным. Если же большая доля при этом становилась меньшей, а меньшая оказывалась большей, то расхождение между ними считалось несущественным. Существенные расхождения между сравниваемыми долями оценивались как показатели разных статистических закономерностей, управлявших частотой соответствующих языковых деталей в тексте, а несущественные служили указанием на одну и ту же статистическую закономерность их использования.

Вероятностно-статистические данные, отражающие употребительность отмеченных средств выражения в изучаемых летописных текстах, представлены в прилагаемой таблице.

Таблица

Вероятностно-статистические данные об употребительности исследуемых средств выражения в «Повести временных лет» и других летописных текстах

Средства выражения	Повесть вр. лет за 1051–1117 гг.	Повесть вр. лет за 1110–1117 гг.	Киевская летопись	Новг I лет. за XII в.	Средняя по 2 лет. текстами
дат.–самост.	0,059±0,008	0,055±0,019	0,023±0,003	0,013±0,007	0,018±0,002
<i>и тако</i>	0,007±0,003	0,007±0,008	0,027±0,003	0,004±0,004	0,015±0,002
<i>по семь же</i>	0,009±0,003	0,003±0,004	0,0001±0,0002	0	0,00005±0,00013
<i>по томь же</i>	0,001±0,001	0,003±0,004	0,003±0,001	0,008±0,004	0,006±0,001
<i>темь же</i>	0,004±0,002	0,005±0,006	0,0010±0,0006	0	0,0005±0,0004
n	3600	600	10630	1120	11750

Анализ табличных данных свидетельствует о том, что показатели употребительности всех пяти рассматриваемых средств выражения в тексте «Повести временных лет» за 1051–1117 гг. существенно отличаются от средних показателей по двум использованным для сопоставлений летописным текстам. Так, в исследуемой части «Повести» употребительность оборотов типа дательный-самостоятельный, выражений типа *по семь же* (*по семь*), *темь же* (*темь*) явно превосходит средние показатели, а частота использования выражений типа *и тако*, *по томь же* (*по томь*) явно уступает им, то есть по отмеченным признакам данный текст обладает безусловной спецификой. Более того, сохранившийся только в летописях ипатьевской традиции текст «Повести временных лет» за 1110–1117 гг., как оказалось, по частоте использования всех пяти анализируемых языковых средств отражает вероятности, вполне адекватные их вероятностям во всем тексте памятника за 1051–1117 гг. Следовательно, по ряду характерных признаков стиля изложения текст, сохранный летописями ипатьевской традиции под 1110–1117 гг., очень близок к предшествующему тексту «Повести», начиная с 1051 г. Это может объясняться не чем иным, как отражением на всем его протяжении повествовательной манеры одного летописца.

Итак, многочисленные признаки текстологического и лингво-текстологического характера указывают на то, что текст «Повести временных лет» в хронологических пределах 1051–1117 гг. является произведением одного лица. Судя по насыщенности этими признаками исследуемого раздела «Повести», регулярности, с которой они встречаются в его составе, он должен считаться принадлежащим какому-то летописцу не как редактору, а именно как автору.

Дальнейшее исследование заставляет обратить особое внимание на летописную статью, находящуюся в «Повести временных лет» под 1097 г. До сих пор господствует мнение, согласно которому в составе этой статьи читается «Повесть» об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича, составленная неким Василием²⁵. Основанием для подобных представлений служит, с одной стороны, наличие в статье 1097 г. пространного рассказа об ослеплении Василька и последовавших за этим событий, а, с другой стороны, упоминание автором в одном из описываемых эпизодов своего имени, каковым оказывается имя Василия. Характерно, однако, что у исследователей нет единого мнения как по вопросу о том, кем был этот Василий, так и относительно того, какие фрагменты обширной статьи 1097 г. следует относить к составу принадлежащей ему «Повести». Н.М.Карамзин, например, полагал, что Василий просто дополнил летописные свидетельства, принадлежащие под 1097 г. Нестору, но еще никак не разграничивал тексты обоих авторов²⁶. Согласно мнению М.И. Сухомлинова, весь текст статьи этого года основан на повествовании Василия, причем со слов «*Василькови же сущю Володимери... и мне ту сущю...*» летописец точно копировал свой источник, хотя выше передавал его содержание своими словами²⁷. А.А.Шахматов выделял в тексте статьи 1097 г. ряд принадлежащих Василию крупных отрывков, перемежающихся записями Нестора и Сильвестра, но не скрывал и своих колебаний по вопросу о ее составе²⁸. Необходимо подчеркнуть, что суждения этих и многих других исследователей о происхождении текста статьи 1097 г. строятся на основе самых общих соображений о ее содержании, крайне поверхностных и субъективных оценок отразившегося в ней стиля изложения. Следовательно, нет и убедительных оснований придерживаться распространенного взгляда на обстоятельства возникновения летописной статьи 1097 г. Против традиционных представлений на этот счет свидетельствуют и результаты данного исследования.

Как выясняется, с точки зрения присутствия находящихся в центре внимания текстологических и лингво-текстологических признаков летописная статья 1097 г. является типичной составной частью изучаемого текста «Повести временных лет». Действительно, она содержит почти все характерные для летописного текста в хронологических пределах 1051–1117 гг. приемы изложения, послужившие предметом изучения. В ней имеются: 1) свидетельства автора о самом себе в первом лице; 2) замечания летописца от имени своих соотечественников-христиан, вложенные в уста исторических лиц; 3) ремарка, относящаяся к ходу повествования; 4) свидетельство о том, что упомянутая выше деталь продолжает существовать и во времена летописца; 5) упоминание о половцах как о «*врагах наших*», вложенное в уста Владимиру Мономаху. Помимо этого, в ней представлены три из пяти языковых средств, обнаруживающих высокую употребительность во всем изучаемом тексте за 1051–1117 гг.: 1) обороты типа дательный-самостоятельный (26 случаев), 2) выражения типа *по семь же* (*по семь*) (6 случаев); 3) выражение типа *темь же* (1 случай). Две из пяти разновидностей средств выражения, отличающиеся невысокой частотностью в тексте за 1051–1117 гг., проявили ее и в статье 1097 г.: 1) выражение типа *и тако* (только 1 случай), выражение типа *по томь же* (*по томь*) (0 случаев). Важно отметить, что общую картину не нарушает и та принадлежащая бесспорно Василию часть статьи 1097 г., в которой автор описывает свое посредничество в переговорах между ослепленным Васильком и Давыдом Игоревичем. Эта незначительная по размеру часть тем не менее включает такие характерные для текста за 1051–1117 гг. в целом повествовательные детали, как: 1) свидетельства автора о самом себе в первом лице; 2) обороты типа дательный-самостоятельный (2 случая); 3) выражения типа *по семь* (2 случая). Теперь совершенно ясно, что именно Василий должен считаться автором не только всей летописной статьи 1097 г., но, по-видимому, и всего комплекса статей 1051–1117 гг., а, значит, и действительным создателем «Повести временных лет».

Результаты исследования позволяют с достаточной отчетливостью наметить общие контуры личности Василия. При этом отправным пунктом должна стать летописная статья 1065 г., в которой автор упомянул о том, как вместе с другими свидетелями он рассматривал извлеченного рыбаками из р. Сетомль мертвого ребенка-урода. Ясно, что это ретроспективное свидетельство Василия относится к временам его детства и имеет лишь приблизительную хронологическую привязку, поскольку начинается словами: «*В си же времена...*». Если около 1065 г. Василию было лет 10, то его приход 17 лет от роду к Феодосию Печерскому, упоминаемый под 1051 г., нужно будет датировать началом 70-х гг. XI в. Это указание вместе с замечаниями автора о себе под 1074 г. (как о свидетеле иноческого подвизания печерского монаха Исаакия), под 1091 г. (как о непосредственном участнике перенесения мощей Феодосия Печерского), под 1096 г. (как о свидетеле нападения половцев на Печерский монастырь, находившемся в его стенах) позволяет считать, что Василий был киево-печерским монахом. Свидетельства автора о себе самом под 1096 г. (как о собеседнике высокопоставленного новгородца Гюряты Роговича), под 1097 г. (как о посреднике в переговорах между князьями Васильком Ростиславичем и Давыдом Игоревичем), под 1106 г. (как о собеседнике киевского боярина и воеводы Яна Вышатича), под 1114 г. (как о собеседнике ладожского посадника Павла и других ладожан в Ладогe) позволяют считать печерского монаха Василия человеком, много ездившим по Руси, находившимся в общении с широким кругом представителей верхов древнерусского общества и пользовавшимся у них авторитетом. Очевидно, что только такой человек, являвшийся, с

одной стороны, образованным монахом, а, с другой, уважаемым и в светских кругах радетелем за благо своей земли и мог быть создателем «Повести временных лет». Судя по упоминанию летописцем под 1114 г. своего пребывания в Ладогe и более чем вероятном прекращении его летописного труда на 1117 г. это была последняя или одна из последних дальних поездок Василия. Завершение комплекса летописных статей 1051–1117 гг., принадлежащих как было показано, Василию, статьей 1117 г. свидетельствует о том, что его летописная деятельность, а, по всей вероятности, и жизнь прекратились на рубеже 20-х гг. XII в., когда автору было уже не менее 65 лет. Но признание за Василием права считаться подлинным создателем «Повести временных лет» крайне обостряет и без того неясную проблему отношения к ее возникновению печерского же монаха Нестора.

Полученные результаты дают возможность совершенно по-иному, чем А.А. Шахматов, ответить на поставленный им же вопрос о редакционных разновидностях «Повести временных лет». В первую очередь следует обратить внимание на неприемлемость мнения А.А. Шахматова о существовании не дошедшей до нас в непосредственном виде первоначальной редакции памятника и о ее частичном отражении в послании Поликарпа к Акиндину. Как показывают наблюдения, Несторов «летописец», использованный Поликарпом при составлении своего послания, представлял собой «Повесть» в одной из ее сохранившихся редакций²⁹. Можно утверждать, что и «старый ростовский летописец», упомянутый епископом Симоном в послании к Поликарпу, содержал одну из ныне известных редакций «Повести»³⁰. Поэтому следует исходить из показаний дошедших до нас лаврентьевской и ипатьевской традиций памятника и в первую очередь поставить вопрос о происхождении того самого обрыва летописного текста на части статьи 1110 г., который отражен лаврентьевской традицией. Но сначала необходимо критически рассмотреть объяснения по этому вопросу, предлагавшиеся разными исследователями. А.А. Шахматов, как известно, полагал, что начало рассуждений летописца под 1110 г. об огненном столпе-ангеле попало в общий источник летописей лаврентьевской традиции как позднейшее заимствование из окончательной редакции «Повести временных лет», в силу чего и читается в их составе³¹. Ученый, однако, не объяснил, во-первых, почему этот источник не был дополнен всем повествованием за 1110–1117 гг., имевшимся в окончательной редакции «Повести», и, во-вторых, по какой причине запись Сильвестра находится в летописях лаврентьевской традиции после начала рассуждений о столпе-ангеле, а не читается перед ним, то есть непосредственно по окончании созданной им редакции памятника. По мнению В.М. Истрина, в 1116 г. с оригинала Несторовой летописи Сильвестром была снята простая копия, которая впоследствии «подверглась одной случайности», обусловившей вид завершающей части «Повести временных лет» в летописях лаврентьевской традиции³². Исследователю представлялось, что со временем в рукописи Сильвестра утратилась последняя тетрадь, в силу чего завершающая часть переписанного им текста исчезла и повествование оборвалось на словах из рассуждения о столпе-ангеле «*Ангел твои буди с тобою*», хотя запись выдубицкого игумена сохранилась, так как была помещена на «особом листе». Однако при этом В.М. Истрин не обратил внимания на противоречащее его предположению обстоятельство: обрыв текста в летописях лаврентьевской традиции наблюдается не на части слова или на части фразы, что было бы наиболее вероятно при случайной утрате последней тетради рукописи Сильвестра, а на вполне завершенной фразе, которой оканчивается рассуждение об огненном столпе как об ангеле. Неубедительным выглядит и довод исследователя о том, будто

свою запись Сильвестр мог оставить на каком-то «особом листе», уцелевшем вопреки утрате последних листов его рукописи. Б.А. Рыбакову представлялось, что после сообщения о «знамении» над Печерским монастырем, которым под 1110 г. завершалась летопись Нестора, рассказ о событиях продолжал Сильвестр³³. В своей работе он, по убеждению ученого, использовал повествование игумена Даниила, посвященное Шаруканскому походу русских князей, которым и стал продолжать летописный текст Нестора. Однако по какой-то причине Сильвестр «просто оборвал переписку» своего источника «на одной из вводных фраз», поскольку мог быть отвлечен от работы каким-нибудь «экстренным поручением», завершив ее известной записью. Если следовать за Б.А. Рыбаковым, то останется непонятным, почему Сильвестр не мог продолжить переписку гипотетического сочинения Даниила после выполнения «экстренного поручения» и как же в конце концов оказался в составе летописи его полный текст. Это тем более странно, что оставшаяся непереписанной часть сказания Даниила, если таковое действительно существовало, содержит исключительно важную как с религиозно-дидактической, так и с чисто событийной точки зрения информацию. Совершенно неприемлемо мнение Б.А.Рыбакова, согласно которому предположенное им сказание Даниила начиналось словами «*Се же бяше не огненыи столп...*». Очевидно, что так могло начинаться рассуждение о «знамении» над Печерским монастырем, принадлежащее именно тому автору, который и описал его чуть выше. В противном случае нужно будет считать Даниила человеком, хорошо информированным если не о происшедших в Печерском монастыре «чудесах», то о составлявшихся там летописных известиях, на что нет решительно никаких указаний.

Предложить более простое и естественное разрешение поставленного вопроса помогает сделанный в ходе исследования принципиально важный вывод о принадлежности всего комплекса летописных статей за 1051–1117 гг. печерскому монаху Василию, то есть одному автору. Как было отмечено выше, текст «Повести временных лет» в летописях лаврентьевской традиции обрывается под 1110 г. не на полуслове или на неоконченной фразе, а завершается целой фразой, которую можно считать окончанием рассуждения о столпе-ангеле, предваряющего дальнейшее рассуждение об ангелах вообще. Логичнее всего допустить, что на этом месте Василий по той или иной причине вынужден был сделать перерыв в работе над летописью, но нет необходимости приурочивать его работу к 1110 г. или к 1111 г., поскольку он мог выполнять ее и несколько позднее, например, в 1112–1113 гг., переписывая составленный ранее в черновом варианте текст. С учетом этого можно полагать, что перерыв в летописной работе Василия был связан с пришедшейся как минимум на 1114 г. его поездкой на север Руси, во время которой он посетил и Ладогу. Путешествие на далекий север Василий мог совершить, выполняя какие-нибудь поручения киевских властей во главе с недавно занявшим киевский великокняжеский престол Владимиром Мономахом. Летописный текст, не заверченный Василием, в оригинале или в одной из уже снятых с него копий, мог оказаться в руках у игумена Сильвестра, который в 1116 г. тоже скопировал его, снабдив изготовленный список своей записью. Так мог возникнуть древний протограф летописей лаврентьевской традиции. По завершении северной поездки Василий, не преминувший воспользоваться ею для пополнения своей летописи новыми известиями, возвратился в Киев. Здесь он продолжил текст летописи с того самого места, где ранее ему пришлось временно остановиться, завершил рассуждение об ангелах под 1110 г., а впоследствии довел изложение событий до 1117 г. включительно. Вполне возможно, что одновременно

Василий дополнил свой труд рядом посвященных семейным делам Владимира Мономаха известий, которые, судя по летописям лаврентьевской традиции, первоначально отсутствовали в нем. Так мог возникнуть древний протограф летописей ипатьевской традиции. Прекращение летописи Василия на 1117 г. было обусловлено, скорее всего, его преклонным возрастом и кончиной. Исходя из этих соображений, допустимо рассматривать летописный труд, выполненный Василием до поездки на русский север с посещением Ладоги в 1114 г., как первую редакцию «Повести временных лет», а текст памятника, дополненный и продолженный им по возвращении в Киев, как вторую редакцию.

Примечания

1. *Татищев В.Н.* История российская Т. I. М.;Л., 1962. С. 120, 121–122.
2. Там же. Т. II. М.;Л., 1963. С. 115.
3. *Карамзин Н.М.* История государства российского. Изд. 5. Кн. I. СПб., 1842. (репринт: М., 1988). С. XV–XVII; Примечания ко II тому. Прим. 184 (стб. 74–75), 213 (стб. 88–89).
4. *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской Несторовой от наветов скептиков. СПб., 1840. С. 157–176.
5. *Кубарев А.М.* Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской // РИС ОИДР. Т IV. Кн. IV. 1842. С. 367 (ошиб. 417) - 480.
6. *Беляев И.Д.* О Несторовой летописи // Чтения ОИДР. М., 1847. № 5. С. 71–72.
7. *Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856. С. 25–51, 116–180.
8. *Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории. СПб., 1862. С. 20–41.
9. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. I–V; 1–69 и сл.
10. *Хрущов И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях (XI–XII столетия). Киев, 1878. С. 1–40, 94–120.
11. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // ЛЗАК. Вып. 20. СПб., 1908.
12. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. I. Водная часть // ЛЗАК. Вып. 29. Пг., 1917. С. I–XLI.
13. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 470.
14. *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания // Известия ОРЯС. Т. XXVI. Пг., 1923. С. 45–102; Т. XXVII. Л., 1924. С. 207–251.
15. *Орлов А.С.* Курс лекций по древнерусской литературе. М.;Л., 1939. С. 69.
16. *Бугославский С.А.* Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. М.;Л., 1941. С. 36.
17. *Еремин И.П.* Литература древней Руси. М.;Л., 1966. С. 42–97.
18. *Черепнин Л.В.* Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Изв. Т. XXV. С. 293–333.
19. *Лихачев Д.С.* 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.;Л., 1947. С. 35–172; 2) Историко-литературный очерк о «Повести временных лет» // Повесть временных лет. Ч. II. М.;Л., 1950. С. 5–148.
20. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. 1963. С. 193–300.

-
21. *Алешковский М.Х.* Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 13–40.
 22. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 132–220.
 23. *Зиборов В.К.* О летописи Нестора (Основной летописный свод в русском летописании XI в.). СПб., 1995. С. 129–156.
 24. См., например: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 46–64; *Кузьмин А.Г.* Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. М., 1973. № 2. С. 32–53. *Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194–203; *Зимин А.А.* О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXIII. 1974. № 5. С. 454–464.
 25. *Творогов О.В.* Василий // СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 91–92.
 26. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 74–75.
 27. *Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи... С. 83–84.
 28. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть... С. XXXVI.
 29. Подробнее об этом см.: *Русинов В.Н.* Послание инок Поликarpa к игумену Акиндину и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н.Новгород, 1997. С. 4–23.
 30. Подробнее об этом см.: *Русинов В.Н.* Послание епископа Симона к инок Поликarpa и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н.Новгород, 2002. С. 164–202.
 31. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть... С. III.
 32. *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания... Т. XXVII... С. 246–247.
 33. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи... С. 285.